

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

(наименование института полностью)

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»
(наименование)

45.04.01 Филология

(код и наименование направления подготовки)

Лингвокриминалистика

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Семантические свойства спорных высказываний как фактор формирования
негативной оценки в тексте»

Студент

К.Е. Тропина

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

доктор филологических наук, профессор М.А. Венгранович

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Теоретические основы исследования смысловой стороны текста.....	7
1.1 Соотношение понятий «значение» и «смысл».....	7
1.2 Семантическая структура слова. Виды стилистических коннотаций.....	13
1.3 Контекст как фактор преобразования значений языковых единиц	21
1.4 Текст как сложное структурно-семантическое единство. Виды информации в тексте	28
1.5 Оценочный компонент как разновидность стилистической коннотации. Негативная оценка и средства ее выражения в тексте.....	33
Глава 2 Методы и принципы семантического анализа высказываний в практике экспертного исследования	41
2.1 Описание семантики слов и выражений по данным словарей.....	41
2.2 Определение семантики слов и выражений с учётом контекста употребления	51
2.3 Определение семантики слов и выражений с учётом различных видов информации в тексте	64
2.4 Определение семантики слов и выражений с учётом поликодовой природы текста.....	73
Заключение	84
Список используемой литературы и используемых источников.....	86
Приложение А Листовка партии «Свободная Россия»	94
Приложение Б Фрагмент газеты.....	95

Введение

Актуальность исследования объясняется целым комплексом причин. Во-первых, для высказываний на естественном языке характерно варьирование смыслов, что весьма затрудняет проведение границы между утверждениями о фактах и оценочными суждениями, а также установление семантики спорных слов и выражений, это приводит к дискуссии по поводу интерпретации смысла спорного слова, выражения, фрагмента и целого текста, поскольку участники судебного процесса могут усматривать в употребленном слове или выражении разные смыслы. Причин длительного существования указанной проблемы много. Это и потенциальная многозначность спорного слова, и неединственность метаязыкового описания семантики выражений, и необходимость учёта контекстуальных и фоновых (внетекстовых) семантических приращений в континууме текста и др. Во-вторых, среди причин сложности и неоднозначности семантического описания языковых единиц в тексте можно выделить и отсутствие общепризнанной среди экспертного сообщества методики проведения семантического анализа. В этой связи данная выпускная квалификационная работа могла бы внести определенный вклад в разработку принципов семантического анализа текста, позволяющего через объективные языковые показатели определить появление оценочных компонентов смысла в спорном тексте и снять остроту заявленной проблемы.

Теоретической базой исследования послужили работы, посвящённые изучению семантики языковых единиц и текста (В.Н. Белоусов, А.В. Бондарко, В.В. Виноградов, Г.В. Колшанский, Ю.С. Степанов и др.); работы, посвящённые теории текста (Н.С. Валгина, И.Р. Гальперин и др.); работы по теории лингвокриминалистики и практике экспертных исследований (М.В. Горбаневский, Е.И. Галяшина, Ю.А.Бельчиков, А.И. Баранов и др.), а также работы по методике выявления и описания скрытого (имплицитного) смысла высказываний в тексте (И.А. Стернин, А.И.Баранов и др.).

Объектом исследования являются высказывания современного русского языка как результат целенаправленной деятельности человека.

Предметом исследования являются семантические особенности высказываний, значимые в аспекте формирования оценки в тексте.

Целью данной работы является выявление и описание способов формирования негативно оценочной семантики спорных высказываний в контексте текстового целого.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Рассмотреть, как в лингвистической науке решаются вопросы о соотношении понятий «значение» и «смысл», преобразовании значения языковых единиц под влиянием контекста.

2. Обобщить научные сведения о семантической структуре слова, о видах стилистических коннотаций, в том числе оценочной коннотации, изложить описанные лингвистами средства выражения оценки в тексте.

3. Описать виды информации в тексте, указать особенности функционирования языковых единиц в текстах с разными видами информации.

4. Отобрать спорные тексты и проанализировать их в аспекте формирования в них негативно оценочной семантики с учетом данных толковых словарей, контекстуального окружения, пресуппозитивной (затексовой) информации.

5. Проанализировать креолизованные тексты, выявить в них особенности формирования негативной информации.

6. Обобщить полученные данные и определить способы формирования негативно оценочной семантики спорных высказываний в контексте целого текста.

Методологической основой исследования являются:

1) метод изучения учебной и научной литературы, который позволил обобщить имеющиеся теоретические сведения о смысловой структуре текста;

2) метод сплошной выборки позволил отобрать из текстов примеры с негативно оценочной семантикой;

3) метод анализа словарных дефиниций помог описать в рассматриваемых примерах слова с негативной семантикой;

4) метод семантического анализа;

5) сопоставительный метод;

6) метод контекстного анализа;

7) метод анализа с учётом затекстовой информации;

8) метод анализа и обобщения полученных фактов.

Научная новизна заключается в том, что в нём на примере современных медиатекстов выявлены и систематизированы различные способы формирования негативно оценочной семантики в контексте целого текста.

Теоретическая значимость определяется вкладом данного исследования в формирование методологической и методической базы лингвокриминалистики.

Практическая значимость нашего исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы на семинарских и лекционных занятиях по лингвокриминалистике в вузе, а также в практической экспертной деятельности.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Метод анализа конкретных слов и выражений с опорой на толковые словари используется как основной в большинстве экспертных исследований по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Кроме того, он является основой любой лингвистической экспертизы, назначенной судом по делам об оскорблении и клевете.

2. Продуктивными средствами формирования негативного смысла высказывания в тексте являются ирония, метафоризация, приём диалогии, контекстуальное значение. Выявление данной семантики требует анализа слов и выражений с опорой на контекст, который в спорных текстах

реализует свои разрешающие, погашающие и интенсифицирующие свойства.

3. Обращение к пресуппозитивным (фоновым) знаниям является продуктивным методом выявления скрытого выражения оценки. Такой вид информации требует расшифровки, опоры на культурологический и исторический контексты

4. Информация в текстах с креолизованной природой может быть выражена средствами разных семиотических систем (например, с использованием цвета, изображения, шрифтовых выделений и др.). В этом случае использование комплекса вербальных и невербальных компонентов усиливает воздействие на адресата.

Апробация научной работы. Результаты проведённого исследования представлены в виде тезисов в сборнике научных трудов научно-практической конференции «Дни науки в ТГУ» (г. Тольятти, 2019 г.); статьи в сборнике материалов Всероссийской студенческой научно-практической междисциплинарной конференции «Молодежь. Наука. Общество». (г. Тольятти, 2019. Сборник в печати); тезисов в сборнике научных трудов научно-практической конференции «Дни науки в ТГУ» (г. Тольятти, 2020 г. Сборник в печати); статьи в журнале «Поволжский вестник науки» 2020. № 2 (16) (г. Тольятти. Сборник в печати).

Структура выпускной квалификационной работы подчинена логике исследования и состоит из введения, двух глав основной части, заключения и приложения. Первая глава работы посвящена теоретическим вопросам исследования и состоит из пяти параграфов, вторая глава является практической частью исследования и состоит из четырёх параграфов. Библиографический список данной работы включает в себя 76 наименований.

Глава 1 Теоретические основы исследования смысловой стороны текста

1.1 Соотношение понятий «значение» и «смысл»

Чтобы охарактеризовать семантику текста, прежде всего необходимо рассмотреть, как в лингвистике решается вопрос о соотношении понятий «значение» и «смысл». При рассмотрении вербального текста и его минимальной единицы под смыслом принято понимать «целостное содержание какого-либо высказывания, не сводимое к значениям составляющих его частей и элементов, но само определяющее эти значения» [Валгина 2003: 244]. Слова, формирующие высказывание, выступают в нём в одном из своих возможных значений. Выбор того или иного необходимого в данном контексте значения слова способствует формированию целостного смысла высказывания. Таким образом, ситуация и контекст, в которых используется слово, определяют необходимую сторону в системе его значений, т.е. происходит актуализация значения через смысл.

Вопрос о соотношении значения и смысла предполагает разграничение данных понятий. Однако в классической лингвистике они практически не разграничивались. Только в 1892 году немецкий логик Г. Фреге в своей статье «О смысле и значении» обратил внимание на то, что два выражения «*утренняя звезда*» и «*вечерняя звезда*», имея одно и то же денотативное значение «планета Венера», всё-таки различаются по смыслу, так как отражают разные ситуации понимания. Учёный пришёл к выводу, что в реальном акте общения схватывается смысл предложения, который не равен понятию «значение».

В 30-е годы XX в. советский психолог Л.С. Выготский в своей книге «Мышление и речь» также разграничил данные понятия. Основным критерием разграничения он выбрал характер выражаемых явлений – объективный или субъективный. Если «значение» выражает объективные

явления действительности, то «смысл» обростает субъективными компонентами, которые определены конкретным моментом.

Автор может изначально рассчитывать на двусмысленность и различную степень глубины прочтения текста. Поверхностный смысл напрямую зависит от значений слов и выражений, наполняющих данный текст, и может быть определён при помощи словаря и языкового опыта. Глубинный же смысл выявить оказывается не так уж и просто.

Существуют тексты, не допускающие инотолкования, такие тексты рассчитаны исключительно на однозначность восприятия (например, тексты, относящиеся к официально-деловому и отчасти – к научному стилю). Неопределённость выводов научной работы или двусмысленность содержания договора сигнализирует о недостаточной обработанности данного текста. В то же время обилие смыслов, наличие скрытого подтекста в художественном тексте, наоборот, указывает на мастерство автора, говорит о высокой художественной ценности произведения.

Поверхностные значения могут переводиться на уровень внутреннего смысла различными способами: это и использование невербальных средств, таких как пресуппозиция, паузы, интонация, пунктуация; и особые синтаксические конструкции, например, парцелляция.

Глубина восприятия читателем смысла текста зависит от множества причин: его эрудированности, уровня образования, интуиции, способности к эмоциональному переживанию и духовной чуткости. По мнению советского психолога А.Р. Лурии, способность распознавать внутренний подтекст и давать ему оценку представляет собой совершенно особую сторону психической деятельности человека, которая может быть никак не взаимосвязана со способностью мыслить логически. Психолог обращает внимание на то, что «система логических операций при познавательной деятельности и система оценки эмоционального значения или глубокого смысла текста являются совсем различными психологическими системами» [Лурия 1979: 226].

Объём извлекаемой читателем информации из текста может значительно отличаться от объёма информации, закладываемой автором, причём различия могут быть как в меньшую, так и в большую сторону. Например, бывает такое, что читатель художественного произведения находит в нём те глубинные смыслы и закономерности, которые сам автор не осознавал и которые в текст не закладывал, но часто случается наоборот – читатель не дотягивает до глубины мировосприятия автора, не считывает скрытые смыслы его произведения, а видит просто интересный сюжет. Ярким примером может служить история о грандиозном успехе комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», который расстроил писателя. Вместо ожидаемой Н.В. Гоголем реакции в виде ужаса от увиденного и потрясения от взгляда на себя «со стороны», зрители наоборот пришли в восторг, радовались и кричали «Эк, загнул!». Такое непонимание разочаровало автора, так как его расчёт не оправдался, и зрители восприняли только внешнюю, смешную сторону комедии.

Как уже было сказано выше, конфликт между открытым текстом и внутренним смыслом характерен, в первую очередь, для художественных текстов. Это свойство художественной речи Г.О. Винокур охарактеризовал через понятие «внутренняя форма». Язык поэтического текста характеризуется тем, что «представляет собой внутреннюю форму, то есть нечто, само в себе, внутри обладающее некоторой содержательной ценностью» [Винокур 1959: 246]. Понимание Г.О. Винокуром поэтической внутренней формы слова отличается от традиционного для отечественной науки понимания внутренней формы, принадлежащего А.А. Потебне (внутренняя форма как осознаваемая носителями языка мотивированность значения слова (или словосочетания) данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова). Г.О. Винокур рассматривает поэтическую внутреннюю форму как особое поэтическое значение слова, основанное на его образности и символичности.

Это обусловлено высокой образностью художественных произведений, скрытостью смысла за описанием внешних событий.

Средствами создания в таких текстах внутреннего смысла являются не столько сами события и факты, описываемые в сюжете, сколько мотивы, побуждающие автора к ним обратиться. Поскольку мотивы обычно угадываются, а не прочитываются в тексте, то они каждым читателем могут быть определены по-разному, ведь люди могут иметь разный читательский опыт и разные взгляды на вещи, а так как прочтение художественного произведения предполагает сотворчество автора и читателя, мотивы, найденные последним в тексте, не всегда совпадают с авторской трактовкой. Чтобы разобраться в таком тексте, необходимо провести активный анализ, сравнить элементы текста друг с другом. Важно не просто понять непосредственное значение сообщения в тексте, а вскрыть его внутренний смысл.

Таким образом, средствами выражения смысла в тексте выступают различные значения сообщений (слов, высказываний, фрагментов). Однако простое осмысление языковых средств текста (обращение к их значению) не гарантирует понимание общего смысла текста.

Н.С. Валгина в своей работе «Теория текста» сложный процесс понимания разделяет на три стадии [Валгина 2003: 247]:

- 1) определение в словах контекстуально актуализированных значений;
- 2) выявление поверхностного смысла текста, исходя из этих значений;
- 3) постижение внутреннего смысла с учетом контекстуальной мотивации.

Нужно учесть, что не все компоненты смысла воплощены вербально. Та сфера сообщения, которая остаётся невербализованной (может быть выражена при помощи таких средств, как апеллирование к фоновым знаниям, использование пауз, интонации, пунктуации, особых синтаксических структур, например, парцелляции), чаще всего включает в себе эмоциональные коннотации, которые, как известно, являются в высшей

степени индивидуализированными. Наиболее часто это отмечается в поэтических текстах.

Проблема соотношения понятий «значение» и «смысл» не менее актуальна и для конфликтогенных текстов, так как они чаще всего функционируют в сфере общественно-политических отношений (тексты СМИ, политические, агитационные тексты и др.) и также как художественные произведения являются экспрессивными текстами.

Особую актуальность данная проблема приобретает при работе с текстом на иностранном языке. Перед переводчиком стоит довольно непростая задача – воссоздать смысл текста оригинала. Для этого необходимо учесть и лексическое значение иностранного слова, и его контекстуальное значение, и особенности формирования смысла в языке, на который текст переводится. Не всегда переводчику удаётся подобрать языковые средства для адекватной передачи смысла переводимого текста. Поэтому целесообразно не просто заменять отдельные языковые знаки другими, а заменять целостные высказывания, тогда возможность сохранить оригинальный смысл в переведённом тексте гораздо выше. При условии отсутствия эквивалентных языковых знаков в целостных выражениях языковая «недостача» может быть компенсирована аналитически.

О недостатках дословного перевода интересно рассказывает А.С. Смирнов в книге «Логика смысла». Например, он берёт арабскую фразу *байна ан-нър ва ал-мã'* и переводит на русский составляющие эту фразу слова: *байна* – между, *нър* – огонь, *ва* – и, *мã* – вода. Дословный перевод данной фразы – «между огнём и водой». Поскольку в русском языке такое выражение становится бессмысленным («между огнём и водой» означает «там, где огонь соединяется с водой», но в каком месте они могут соединиться так, чтобы огонь не испарил воду, а вода не потушила огонь?), мы получили «значения», «смысл» которых стал нам ещё менее понятен. Таким образом, автор показывает, что, опираясь только на лексическое

значение слова, мы никогда не получим имеющегося здесь смысла «нагретость воды» [Смирнов 2001: 56].

Подводя итог, мы можем сказать, что вопрос о разграничении и соотношении понятий «значение» и «смысл» носит не только теоретический, но и практический характер, поскольку выходит на проблему понимания текста.

Таким образом, вопрос о соотношении понятий «значение» и «смысл» в лингвистике решается следующим образом:

1) При рассмотрении вербального текста под смыслом принято понимать «целостное содержание какого-либо высказывания, не сводимое к значениям составляющих его частей и элементов, но само определяющее эти значения» [Валгина 2003: 244]. Ситуация и контекст, в которых используется слово, определяют необходимую сторону в системе его значений, т.е. происходит актуализация значения через смысл.

2) Автор текста может изначально рассчитывать на двусмысленность и различную степень глубины прочтения текста. Поверхностный смысл напрямую зависит от значений слов и выражений, наполняющих данный текст, и может быть определён при помощи словаря и языкового опыта, глубокий смысл выявить гораздо трудней.

3) Объём извлекаемой читателем информации из текста может значительно отличаться от объёма информации, закладываемой автором, причём различия могут быть как в меньшую, так и в большую сторону.

4) Конфликт между открытым текстом и внутренним смыслом характерен, в первую очередь, для художественных текстов. Это обусловлено высокой образностью художественных произведений, скрытостью смысла за описанием внешних событий. Это свойство художественной речи Г.О. Винокур охарактеризовал через понятие «внутренняя форма».

5) Средствами выражения смысла в тексте выступают различные значения сообщений (слов, высказываний, фрагментов).

6) Не все компоненты смысла воплощены вербально.

1.2 Семантическая структура слова. Виды стилистических коннотаций

В лингвистической науке термин «семантика» имеет несколько значений:

- 1) «всё содержание, информация, передаваемые языком или какой-либо его единицей (словом, грамматической формой слова, словосочетанием, предложением);
- 2) раздел языкознания, изучающий это содержание, информацию;
- 3) один из основных разделов семиотики» [Степанов 1990: 438].

Предметом наблюдения семантики является полнозначное слово и предложение (высказывание). Семиологический аспект значения той или иной единицы языка связан с двумя понятиями: денотат и сигнификат. Последовательность звуков или графических знаков, являясь внешним элементом полнозначного слова, связана в сознании говорящего или пишущего, с одной стороны, с предметом действительности (вещью, явлением, признаком, процессом), который в лингвистике обозначается термином денотат или референт, а с другой стороны – с представлением об этом предмете, то есть, смыслом или в лингвистической терминологии сигнификатом [Степанов 1990]. В предложении (высказывании) также можно выделить денотат (референт) и сигнификат (смысл), которые в данном случае будут относиться к предложению в целом. Аналогично организована семантика всех языковых единиц – морфемы полнозначных слов, например, выражают лексическое (корень) или грамматическое (аффиксы) значения слова.

Семантические отношения в лексике делятся на парадигматические и синтагматические. Парадигматические отношения объединяют единицы языка в группы, разряды, категории. Выделяются следующие виды парадигм: синонимическая парадигма, антонимическая парадигма, омонимическая парадигма, гиперо-гипонимическая парадигма, тематическая парадигма,

лексико-семантическая группа, семантическое поле. Слова в данных группировках находятся в отношениях оппозиции.

Синтагматические отношения объединяют группировки слов «по их расположению в речи относительно друг друга (сочетаемость, аранжировка). Основой этих отношений выступает дистрибуция» [Степанов 1990: 439].

Теперь мы перейдём от семантических отношений структуры языка к описанию семантической структуры отдельно взятого полнозначного слова.

«Семантическая структура слова – смысловое строение основной единицы лексики» [Белоусов 1997: 455]. Семантическая структура однозначного слова представлена его семным составом. Семантическую структуру многозначного слова составляет совокупность его внутренне связанных значений, которые способны обозначать различные предметы, явления, качества, действия и т.д.

В лингвистике отдельно взятый элемент семантической структуры многозначного слова называется его лексико-семантическим вариантом (ЛСВ) [Гак 1990: 90]. Один из возможных лексико-семантический вариантов многозначного слова связан с другими его лексическими значениями иерархическими отношениями. Эта связь выражена общностью внутренней формы лексико-семантических вариантов, их взаимной мотивированностью, выводимостью друг из друга.

В семантической структуре слова языковеды выделяют два вида смысловых отношений, которые возникают между лексико-семантическими вариантами слова, – это «главное – частное» и «общее – вариантное» значения.

Определяющую роль в разграничении главного значения слова и его частных лексико-семантических вариантов играет контекст и то, как то или иное значение с этим контекстом взаимодействует. Главное значение в меньшей степени обусловлено контекстом, семантически проще по своему содержанию (например, «вода – прозрачная бесцветная жидкость») и

обладает свободной сочетаемостью с другими словами. В словарях главное значение ставится на первое место.

Остальные значения, таким образом, являются лексико-семантическими вариантами главного и выступают как частные. Частные значения значительно больше подвержены влиянию контекста, семантически более сложные (например, «вода – минеральный, газированный, фруктовый напиток»), т. е. вода + содержащая минеральные соли; насыщенная газом; приготовленная из фруктов), имеют ограниченную сочетаемость с другими словами.

Следующий вид смысловых отношений в семантической структуре слова – соотношение «общего» и «вариантного» значения. Общее или инвариантное значение – это «совпадающая часть содержания всех значений (ЛСВ) слова, нечто постоянное, неизменное в них» [Белоусов 1997: 456]. Общее значение является обобщённым, имеет семантически простое содержание. Вариантные значения, занимающие определённые позиции в семантической иерархии слова, могут находиться в различной степени близости к общему значению. Ближе всего к инвариантному значению находятся так называемые центральные, доминирующие значения, которые имеют наиболее простое семантическое содержание, дальше всего – периферийные значения, которые, соответственно, уже более семантически сложны. Выделение общего (инвариантного) значения прежде всего необходимо для моделирования семантического поля, определения его доминанты и анализа входящих в его состав лексических единиц, а также при лексикографическом описании слова.

Стилистически окрашенные слова в своей структуре имеют два компонента значений: модальный компонент, выражающий положительную или отрицательную оценку обозначаемого, и семантический компонент, указывающий на то, что данное слово является языковым отражением предмета или явления действительности. Рассмотрим лексемы «лицо», «лик» и «морда». Общее смысловое значение всех трёх слов – «лицо». Помимо

собственно семантического компонента значения слов «лик» и «морда» имеют модальный компонент, различные оценочные характеристики, вследствие чего приводятся в словарях со стилистическими пометами, например: книжн., высок., офиц., разг., прост., обл., презр., неодобр., пренебр., шутол., ирон., бран. [Ожегов 2008].

В «Словаре русского языка» под редакцией А.М. Евгеньевой содержатся следующие группы стилистических помет:

1. Пометы, указывающие на принадлежность слова к различным пластам лексики русского языка (обл., прост., груб, прост.);

2. Пометы, указывающие на стилистическую ограниченность употребления слов в литературном языке (разг., книжн. офиц. и офиц.-дел., высок., trad.-поэт., народно-поэт.);

3. Пометы, указывающие специальную область применения слова (астр., бакт., бухг., геол., зоол. и др.);

4. Пометы, указывающие эмоциональную окраску слова (бран., ирон., шутол., пренебр., презр., неодобр, почтит.);

5. Помету устар. (устраевшее) к словам, выходящим из употребления в современном русском языке [Евгеньева 1999].

Семантическая структура слова является одновременно и устойчивой, и способной к изменению. Те или иные лексико-семантические варианты в процессе развития языка могут отмирать, а другие появляться, тем самым обогащая семантическую структуру слова.

Стоит отметить, что в структурно-семантическом аспекте значения раскрывается внутренняя семантическая производность слова (эпидигматика). При данном подходе учитываются не только семантические включения слова, но и его смысловые возможности в целом, которые для лингвиста-эксперта имеют большое значение.

Лексическое значение слова может включать в себя следующие компоненты:

1) Понятие:

– обыденное – бытовое знание, выраженное в языковой форме и сложившееся в процессе практической и культурной деятельности человека (например, «вода – бесцветная жидкость»);

– научное – знание определённой научной отрасли (например, «вода – химическое соединение водорода с кислородом»).

2) Коннотация – дополнительное значение слова, дополняющее основное по смыслу или стилистически (например, «в дипломной работе много воды» – коннотативное значение «нечто, лишённое содержания»).

3) Потенциальные (вероятностные) семы – компоненты значения, которые не отражены в толковом словаре, смысловые возможности слова, которые хорошо известны носителям языка, выражены имплицитно и реализуются в контекстном употреблении (например, «источник жизни в пустыне – вода» (М. Пришвин). Потенциальный компонент значения слова вода – «сохранение существования живого организма»).

Итак, лексическое значение слова состоит из ядра (обыденного или научного понятия), ядерного окружения (коннотаций) и периферии (потенциальных значений).

Остановимся подробнее на понятии коннотация. Коннотация – это «эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального (закреплённого в системе языка) илиokkaзионального характера» [Телия 1990: 236]. Данный термин В.Н. Телия рассматривает в широком и узком смыслах. В широком смысле коннотация понимается как любой компонент, дополняющий денотативное и грамматическое значение языковой единицы и придающий ей экспрессивную функцию. В узком смысле это добавочный к объективному компонент значения, выражающий ассоциативно-образное представление об элементе действительности «на основе осознания внутренней формы наименования, т. е. признаков, соотносимых с буквальным смыслом тропа или фигуры речи, мотивировавших переосмысление данного выражения» [Телия 1990: 236].

Само понятие коннотации оформилось в русле схоластической логики в XVII в., в грамматике Пор-Рояля для обозначения свойств в отличие от субстанций, позднее стала противопоставляться денотации по признаку понятийности, и только с конца XIX в. термином «коннотация» стали называться все эмотивно и стилистически окрашенные элементы.

Коннотация имеет субъективную речевую природу, которая проявляется в возможности выражения противоположных значений в одной лексеме. Например, слово «*милочка*» может содержать как ласкательную, так и пренебрежительную коннотацию. Выделение в семантической структуре слова той или иной коннотации связано со всеми эмотивно-прагматическими аспектами текста, которые создают его экспрессивную окраску.

Ассоциативно-образный компонент в структуре коннотации связывает денотативное и коннотативное содержание единицы языка, поскольку выступает как основание оценочной квалификации и стилистической маркированности. Экспрессивную окраску приобретает всё выражение, в котором может доминировать:

- образное или звуко-символическое представление («*губошлёп*», «*кровавая заря*»);
- оценочная характеристика – эмоциональная («*пёсик*»), качественная («*бурда*»), количественная («*глазища*»);
- стилистическая принадлежность (официальное или торжественное «*воздвигать*», просторечное «*валандаться*»).

Узуальная коннотация выражается «суффиксами субъективной оценки, осознаваемой внутренней формой, звукоподражаниями, аллитерацией, экспрессивно окрашенными словами и фразеологизмами» [Телия 1990: 237]. Коннотации свойственно создавать эффект подтекста, поскольку часто она нелокализована, разлита по всему тексту. В каждом языке коннотация имеет специфические черты и формы выражения.

Далее мы рассмотрим стилистические коннотации и их виды. Стилистические коннотации ограничивают употребление той или иной

языковой единицы определённой сферой общения. Стилистические коннотации делятся на два вида:

- эмоционально-экспрессивные (оценочные),
- функционально-стилевые [Кожина 2008].

Эмоционально-экспрессивные коннотации связаны с выражением отношения к предмету, его оценкой. Оценка может быть либо положительной, либо отрицательной, поэтому языковые средства, содержащие в структуре своего значения эмоционально-экспрессивную стилистическую окраску, делятся на мелиоративные (выражающие положительную оценку – *котёнок, несгибаемый, белый* (в значении «чистый»), *восхитительный*) и пейоративные (выражающие отрицательное отношение к высказываемому – *медведь* (о человеке), *директорша, белоручка*).

Среди положительных окрасок выделяются одобрительная (*восхитительный, чудесный*), ласкательная (*доченька, козочка, голубушка*) и т.д., среди отрицательных – пренебрежительная (*врачиха, стадо баранов, болтун*), презрительная (*буржуй, базарная баба*), ироническая (*калиф на час, умник, делец*), бранная (*гадюка, аферист*) и др.

Функционально-стилевые коннотации обусловлены преимущественным употреблением языковой единицы в какой-то определённой сфере общения. Языковые средства с функционально-стилевой окраской делятся на книжные (*думающий, отчизна, врата, мышление, лингвистика*) и разговорные (*понарассказывать, короче, в отпуску, читалка*).

Разговорные языковые средства преимущественно используются в устной речи, в бытовом общении. Употребление разговорных средств в художественном и публицистическом тексте встречается в тех случаях, когда автор текста преследует определённые художественно-выразительные задачи, например, создание речевой характеристики, изображение быта той или иной социальной среды и т.д. В текстах научного, официально-делового

и церковно-религиозного функционального стиля их использование не допустимо. На границе между литературными и нелитературными средствами языка находятся близкие к разговорным просторечные языковые средства (*звóнят, калякать, брехня*).

Книжные языковые средства стилистически ограничены в своём употреблении, используются преимущественно в письменных текстах, относящихся к одному из пяти функциональных стилей: научному, официально-деловому, публицистическому, художественному или церковно-религиозному. Кроме того, книжные языковые единицы можно разделить на общекнижные (*истина, аналогия, ибо*) и имеющие окраску определённого функционального стиля (*парадигма, истец, прибыть с официальным визитом*).

Часто языковая единица совмещает в себе обе стилистические коннотации. Разговорные средства могут выражать фамильярность, презрение, ласку, а книжные – торжественность, поэтичность. Однако лексика научного и официально-делового функционального стиля не имеет эмоционально-экспрессивной окраски.

Стилистические коннотации характерны для единиц всех уровней языка. На лексическом уровне они описаны наиболее подробно (*лик – лицо – рожка*), на словообразовательном выделяется множество аффиксов субъективной оценки (*носище, веточка, моторка, стимулировать*), на морфологическом уровне стилистические коннотации выражены наличием вариантов формообразования слов (*договоры – договора, помидоров – помидор, судьбой – судьбою*), синтаксические же конструкции почти всегда имеют ту или иную эмоционально-экспрессивную или функционально-стилевую окраску (например, для разговорного стиля характерно употребление простых, односоставных предложений, обрывочных синтаксических конструкций, в то время как для научного стиля характерно частотное употребление сложноподчинённых конструкций; действенным

средством выражения эмоционально-экспрессивной окраски является парцелляция).

Таким образом, для комплексного анализа текста важно учитывать все компоненты семантической структуры слова, в частности ассоциативно-образный компонент, который связывает денотативное и коннотативное содержание единицы языка. Значения языковой единицы имеет свойство изменяться в контексте, поэтому при анализе текста нельзя ограничиваться только словарным определением той или иной лексемы. Актуальные проблемы изучения контекста и его влияния на значение языковых единиц, изложенные в научной литературе, мы рассмотрим в следующем параграфе.

1.3 Контекст как фактор преобразования значений языковых единиц

Контекст – это «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» [Торсуева 1990: 238]. В одном и том же тексте может быть несколько контекстов, их количество зависит от того, сколько единиц в его составе, поскольку каждой из них будет соответствовать свой контекст.

Различают микро- и макро- контексты. Микроконтекстом считается минимальное окружение языковой единицы, в котором она включается в фрагмент и реализует своё основное и коннотативное, ассоциативное значение. Под макроконтекстом понимается такое окружение языковой единицы, которое позволяет судить о её функции в целом тексте [Торсуева 1990]. Например, к макроконтексту мы обращаемся при выделении ключевых слов в тексте, при трактовке символов. Границы микро- и макроконтекста определяются в зависимости от самой единицы и от целей исследования.

В микро- и макроконтексте реализуются все свойства контекстной семантики, основные из которых: ограничение объёма значения (класс – предмет, род – вид), прямое и переносное значение, связанное фразеологическое значение, пресуппозиционная семантика. Рассматриваемое в пределах микроконтекста слово превращается из словарной единицы в единицу языка, поскольку данная единица выступает в связи с другими словами, содержащимся в данном выражении.

Контекст является необходимым условием коммуникации. Различают лингвистический и экстралингвистический (включает в себя условия, время и место общения, коммуникантов и их отношение к друг другу и т.д.) контексты [Торсуева 1990]. Например, фраза «*Что-то дует*» может быть воспринята как просьба в определённых условиях общения (открытое окно, наличие сквозняка и т.д.).

Собственно лингвистический (вербальный) контекст противопоставляется невербальному (мимика, жесты), может дополняться или даже заменяться им. Собственно лингвистический контекст может быть выражен как эксплицитно, так и имплицитно. В первом случае он явно выражен вербальными и невербальными средствами, а во втором – с помощью пресуппозиции, фоновых знаний коммуникантов о какой-либо ситуации в прошлом или о содержании каких-либо текстов.

И.Г. Торсуева выделяет пять типов вербального контекста, основанием для дифференциации выступает функция того или иного контекста. Разрешающий контекст снимает с языковой единицы полисемию, делает её однозначной. Например, в выражении «*Попросить у соседа по парте ручку*» многозначное слово «*ручка*» выступает в одном из возможных своих значений «*письменная принадлежность*». Поддерживающий контекст обеспечивает повторяемость значения определённой единицы в тексте. Погашающий контекст создаёт новое значение языковой единицы, отличное от её типичного значения в языке (так называемое контекстуальное значение). Компенсирующий контекст способствует смысловому

восполнению при опущении какого-либо элемента, например, при эллипсисе. И последний тип, интенсифицирующий контекст «способствует приращению смысла в процессе восприятия текста, как бы прибавляя новые значения к уже употреблённой единице» [Торсуева 1990: 239].

Поскольку значение слова имеет довольно обобщённый характер, любые процессы человеческого мышления над конкретным предметом или явлением могут протекать исключительно в связных языковых единицах, которые и формируют семантический контекст. Каждое значение слова предполагает употребление его в определённых условиях, и имеющееся в языке разнообразие контекстов способно покрыть все случаи, в которых появляется необходимость уточнить какое-либо значение. Каждое слово имеет характерный только для него контекст, который им и предопределяется. Признание закреплённости на лексико-семантическом уровне какого-либо значения за определённым словом происходит путём его выделения в семантической структуре этого слова.

Значение слова не определяется исключительно его реляционной структурой. Так как существование контекста невозможно представить без слова или вместо слова, суть отношений значения слова и контекста заключается в том, что абстрактная по своей природе семантика номинативной единицы предполагает обязательную конкретизацию в рамках коммуникативного целого. Диалектика абстрактного и конкретного в языке исключает релятивизм на всех языковых уровнях, «а контекстный фактор лишь ещё раз подтверждает такую объективную организацию языка, которая адекватно отображает диалектику его функционирования» [Колшанский 2007: 48].

Контекст играет важную роль при разграничении значений многозначного слова или многозначной конструкции, омонимов (как лексических, так и грамматических). Существуют функциональные варианты таких значений. Любая языковая единица имеет постоянное содержание, которое не зависит от конкретного употребления этой единицы в речи.

Употреблённое в речи языковое явление раскрывается в том или ином своём контекстуальном варианте, приобретает стилистический оттенок. Данный вариант значения является факультативным и привязанным к конкретному языковому окружению. Таким образом, контекст выполняет функцию преобразователя некоего стандарта в его разновидности, и каждый речевой отрезок получает свое звучание в новом стилистическом ракурсе.

Поскольку любая языковая единица может по-настоящему существовать только в условиях реальной коммуникации, выделение в структуре её значения одного главного, независимого от контекста, компонента и других, второстепенных, определяемых контекстом, заставляет по-новому взглянуть на действительную сущность как самого значения, так и роли контекста. Г.В. Колшанский в своей работе «Контекстная семантика» выдвигает предположение о том, что стилистический вариант значения или по-другому «категория нюанса» есть обыкновенный случай реализации конкретного значения языковой единицы, которая впоследствии получает обобщённое описание на основе всех случаев реального употребления в языковой системе.

По замечанию В.Фляйшера, «вся непрямая информация в слове обозначается термином «коннотация»» [Цит. по: Колшанский 2007: 49]. Под коннотацией понимаются различные оттенки значения, которые вызывают у человека самые различные ассоциации, например, эмоционально положительные или эмоционально отрицательные. Связанность коннотативных ассоциаций непосредственно с контекстом может варьироваться в зависимости от типичности или индивидуальности ассоциаций от жёсткой текстовой определённости до свободной и неоднозначной ассоциации. Рассматривая коннотации в связи с контекстом, В. Фляйшер выделяет четыре типа коннотаций:

- 1) коннотации, которые связаны с ординарными ассоциациями, которые закреплены в типичных текстах;

2) коннотации, которым необходим достаточно широкий контекст для того, чтобы ассоциативное значение было воспринято однозначно;

3) субъективные коннотации, которые не входят ни в языковую систему, ни в модели экстралингвистического порядка;

4) текстовые коннотации – являются самым часто встречающимся типом коннотации, требует тщательного анализа и правильного подхода на этапе создания самого текста, особенно при переводе с одного языка на другой [Цит. по: Колшанский 2007: 50].

Кроме всего вышеперечисленного, контекст играет важную роль в установлении отношений синонимии между значениями слова или целых словосочетаний, которые в определённых условиях (употребление в данном контексте) получают идентичное смысловое содержание. Например, Иванов «убыл», «выбыл», «покинул», «уехал» из города рассматривается как контекстуальная синонимия, поскольку различные значения слов, используемые в одном тексте, уравниваются по одной семе (Иванов не находится в городе). В подобных случаях роль контекста сводится не столько к тому, чтобы нивелировать значения разных слов, сколько к тому, чтобы определить конкретное значение некоторого абстрактного содержания слова, закреплённого в словарях. Создаётся иллюзия синонимии, поскольку контекст лишь помогает раскрыть уже заложенные в словах конкретные значения, создаёт условия для выявления близких значений разных слов в конкретном языковом окружении.

Слова и словосочетания имеют довольно разный характер многозначности и разные условия её снятия при коммуникации. Реальное общение всегда соизмеряется рамками микро- и макроконтекста для правильного восприятия речевых актов, следовательно, необходимо анализировать языковые единицы не только в рамках словаря, но прежде всего в пределах коммуникативного окружения, в обязательном порядке, сопровождающем любое общение.

В рамках нашего исследования важно поднять такой вопрос, как соотношение контекста и пресуппозиции. Без фоновых знаний невозможно правильно выстроить общение, и в работах О.С. Ахмановой они определяются как вертикальный контекст (в отличие от собственно языкового – горизонтального).

Фоновые знания, или пресуппозиция, – это совокупность культурных, исторических и прочих сведений, которые явно в тексте не выражены, но предполагается, что участники коммуникации ими обладают. Фоновые знания характеризуют семантическую структуру языка как «нечто, относящееся к объективному контексту данного высказывания» [Ахманова 1977: 54]. Лингвистическая пресуппозиция направлена не на определение правдивости или ложности высказывания, а на раскрытие его общего смысла, способствует построению и восприятию текста на основе правильно построенных предпосылок о знании предмета общения.

Можно выделить несколько разновидностей пресуппозиции, которые тем не менее едины в правилах своего функционирования. Существует пресуппозиция, в основе которой лежит соотнесённость смысловых частей текста при помощи указательных местоимений. Другой вид пресуппозиции – расположение синтаксических единиц рядом, на основании которого можно определить причинно-следственные связи между первым и вторым предложениями и из смысла одного сделать вывод о смысле другого, поскольку они образуют достаточно крепкое единство. Это называется «сцепление предложений» [Колшанский 2007: 81]. Например, в тексте «*Ярко светило солнце. Нам необходимо было спешить*» высказывание *нам необходимо было спешить* обретает свою однозначность на основании пресуппозиции о том, что длительное нахождение на ярком солнце вредно для здоровья и промедление может привести к нежелательным последствиям. Другой смысл при данной пресуппозиции выделить нельзя.

Языку наиболее характерна контекстуальная пресуппозиция, состоящая из сложной цепочки умозаключений, сделанных из предшествующих и последующих высказываний.

Каждая отдельно взятая речевая ситуация, в которой коммуникация осуществляется между конкретными людьми, принадлежащими к определённой социальной группе, возрастной и должностной категории, также является благодатной почвой для формирования пресуппозиции о том, как именно нужно понимать смысл тех или иных высказываний. Например, императивное высказывание в форме пожелания, звучащее из уст начальника в адрес подчинённого, содержит пресуппозицию приказания.

Самый объёмный вид пресуппозиции – это совокупность всех знаний коммуникантов, необходимых для прямого понимания высказывания, которое без фоновых знаний расшифровать не представляется возможным. Кроме того, данная разновидность пресуппозиции используется с целью уточнения высказываний при помощи предварительных знаний широкого плана.

Зачастую в практике лингвистического исследования важным является «владение знаниями, не заключёнными в предшествующем для данного высказывания отрезке, а накопленными коммуникантом до момента образования соответствующего конкретного высказывания» [Колшанский 2007: 82].

Таким образом, анализ основных работ, посвящённых изучению контекста как явления и как фактора преобразования значения языковых единиц, позволил сделать вывод о том, что, поскольку любые процессы человеческого мышления над конкретным предметом или явлением могут протекать исключительно в связных языковых единицах, которые формируют семантический контекст, лингвисту необходимо учитывать данный аспект при анализе вербального текста. Значение слова, взятого вне контекста, довольно абстрактно и не позволяет выявить всю информацию, содержащуюся в тексте.

1.4 Текст как сложное структурно-семантическое единство. Виды информации в тексте

Ранее приводилось определение текста как высшей коммуникативной единицы; таково, например, определение Н.С. Валгиной. Этой единице присуща категория целостности. Её элементы организованы в систему для осуществления коммуникативного намерения автора текста соответственно речевой ситуации.

По утверждению Н.С. Валгиной, текст отражает некое коммуникативное событие, и, следовательно, элементы события должны быть соотнесены с отдельными компонентами (или единицами) текста. Объяснение текста через его структурные компоненты является важной составляющей современных исследований текста.

Текст имеет также микро- и макросемантику, микро- и макроструктуру. Семантика текста обусловлена коммуникативной задачей передачи информации (текст – информационное целое); структура текста определяется особенностями внутренней организации единиц текста и закономерностями взаимосвязи этих единиц в рамках цельного сообщения (текста).

Н.С. Валгина выделяет с точки зрения концепции текста как законченного информационного целого следующие единицы семантико-структурного уровня: высказывание и межфразовое единство. Дадим их краткую характеристику.

Для уяснения такой структурной единицы текста, как высказывание, на наш взгляд, следует учитывать, что лишь «предложение, ставшее целым высказыванием, приобретает особую смысловую полноценность», оно (предложение) приобретает новые качества, выражающие природу высказывания, восполняющие его до целого высказывания, а всякое конкретное высказывание – «звено в цепи речевого общения определенной сферы» [Бахтин 1986: 266, 286].

Само по себе вне целого высказывания, предложение не является целой единицей, потому что оно, как правило, не обладает смысловой полноценностью. Только став целым высказыванием, предложение приобретает способность «определять непосредственно активно ответную позицию говорящего»; «если наше предложение фигурирует в качестве законченного высказывания, то оно приобретает свой целостный смысл в определенных конкретных условиях речевого общения» [Бахтин 1986: 277].

Таким образом, высказывание является низшим информативным элементом текста. Н.С. Валгина определяет высказывание как «реализованное предложение. [...] В тексте мы имеем дело не с предложением в терминологическом смысле, а с высказыванием, не с языковыми, а с речевыми единицами, которые конкретизируют свои стороны в тексте» [Валгина 2003: 27]. Высказывания классифицируются Н.С. Валгиной на разнообъектные и однообъектные (в зависимости от того, сколько сообщений содержит высказывание). Ею же сформулированы основные виды высказываний, которые делятся со смысловой точки зрения на:

– информативные, в которых разворачивается содержательная информация. Это сообщения описательного, повествовательного, аргументированного, анализирующего типа). Их функция – сообщение. Они передают фактологическую и концептуальную информацию. Эта информация носит названия диктума;

– верификационные, которые служат целям утверждения или опровержения, контраргументации высказывания, полемические, убеждающие, воздействующие. Их функция – оформить реакцию на мнение собеседника, дать коррекцию или верификацию этого мнения. Верификационные высказывания передают информацию оценочную. Они носят названия модуса [Валгина 2003: 29].

Информативные высказывания, как уже говорилось, лежат в основе текстов описательных, повествовательных. Верификационные высказывания

не являются организующими компонентами видов текста, они вклиниваются в информативный текст, создавая эффект диалогизации. При этом присутствует эффект диалога, но отсутствует вопросно-ответная форма.

В тексте выделяется четыре вида информации, которые различаются как по содержанию, так и по языковому выражению. Важно понимать, что большинство текстов представляют собой совокупность нескольких видов информации, хотя существуют и такие тексты, в которых содержится только один из выделяемых в лингвистике видов (к таким текстам относятся, например, научные работы, инструкции).

Первый вид – когнитивная информация. Она представляет собой отражение объективной действительности. Для данного вида характерна объективность, абстрактность и плотность. Каждый из перечисленных параметров имеет свои способы языкового выражения. Так, объективность может выражаться при помощи:

- 1) использования форм глаголов в значении настоящего-вневременного;
- 2) употребления слов преимущественно в прямом порядке;
- 3) использования безличных или неопределённо-личных предложений;
- 3) выражения пассивности субъекта по отношению к действию;
- 4) употребления в окружении лексики литературного языка терминов, характеризующихся однозначностью толкования, не содержащих эмоциональной окраски и отличающихся внеконтекстуальностью, то есть, независимостью от контекста.

Абстрактность выражается в:

- 1) разнообразии используемых синтаксических конструкций с сочинительной и подчинительной связью, причастными и деепричастными оборотами, что помогает отразить логический принцип построения текста;
- 2) использовании слов с абстрактной семантикой, выражающейся в определённых словообразовательных моделях;

3) номинативном стиле повествования (выражении процесса с помощью употребления существительных).

Плотность информации в тексте (то есть, стремление к сокращению протяжённости текста) может быть отражена в использовании:

1) шрифтового выделения (курсив, подчёркивания, жирный шрифт), графиков и схем, картинок и фотографий;

2) различных аббревиатур, сложносокращённых слов и т.д.

Второй вид – оперативная информация. Данный вид информации представляет собой побуждение к совершению какого-либо действия. Языковыми средствами выражения оперативной информации выступают различные императивные формы, сослагательное наклонение и т.д.

Третий вид информации – эмоциональная, которая является выражением чувств и противоположность когнитивной информации очень субъективна.

Последний вид информации – это эстетическая информация, которая специализируется на передаче чувств, которые могут быть вызваны словесным искусством (выражается в метафорах, рифмах, игре слов).

И.Р. Гальперин в своей работе «Текст как объект лингвистического исследования» выделяет следующие виды информации [Гальперин 2008]: содержательно-фактуальная информация, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая.

Содержательно-фактуальная информация выражена в предложениях реальной модальности и сообщает о том, что происходило, происходит, либо будет происходить. Другими словами, она сообщает нам о фактах, которые действительно будут происходить в реальном или воображаемом мире. Данная информация всегда выражена вербально языковыми единицами, которые употребляются в своём прямом значении, закреплёнными в словарях и доступными для понимания большинства носителей языка.

Содержательно-концептуальная информация – это прежде всего информация о самом авторе, его позиции, мировоззрении, статусе в

обществе. Данный вид информации сообщает об индивидуально-авторском понимании явлений, причинно-следственных связей. Далек не всегда такая информация легко вычлняется из текста, даже наоборот, она требует анализа всего текста, различных толкований и творческого переосмысления.

Содержательно-подтекстовая информация – это та информация, которая явно в тексте не выражена и может быть извлечена только при определённых условиях, а именно:

1. Возрастной опыт. Детям гораздо тяжелее, а иногда и вовсе невозможно, увидеть подтекст из-за отсутствия широты восприятия и маленького жизненного опыта, так, социальный подтекст всем известной сказки К.И. Чуковского «Тараканище» недоступен для понимания ребёнка, но с лёгкостью считывается взрослым человеком.

2. Знание исторического контекста того времени, когда текст был создан.

3. Способность к ассоциативному мышлению. Для восприятия подтекста нужно уметь находить очевидные и не очень очевидные отсылки к другим текстам, событиям, произведениям искусства и т.д.

Другими словами, содержательно-подтекстовая информация основана на способности языковых единиц порождать, а читателя текста воспринимать различные ассоциативные смыслы, коннотативные значения [Гальперин 2008: 28].

Грамматическая категория информативности в тексте может варьироваться по степени насыщенности. Это обязательная характеристика текста, однако она может быть нулевой, когда текст не сообщает ничего нового, а только воспроизводит уже известную информацию, а может и наоборот быть концептуальной и требовать тщательного анализа всего текста для своего выявления.

Таким образом, изучение научной литературы по теме «Структурно-семантическое единство текста, виды информации в тексте» позволило нам сделать следующие выводы:

1) Объяснение текста через его структурные компоненты является важной составляющей современных исследований текста.

2) Семантика текста обусловлена коммуникативной задачей передачи информации.

3) Вне высказывания предложение не является целой единицей, потому что оно, как правило, не обладает смысловой полноценностью. Став целым высказыванием, предложение приобретает свой целостный смысл в определенных конкретных условиях речевого общения.

4) Высказывания бывают информативными (диктум), в которых сообщается новая информация, и верификационными (модус), в которых передаётся оценочная информация [Валгина 2003: 29].

5) Выделяются следующие виды информации [Гальперин 2008]: содержательно-фактуальная информация, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая. Анализ текста следует проводить с учётом всех видов информации.

1.5 Оценочный компонент как разновидность стилистической коннотации. Негативная оценка и средства ее выражения в тексте

Оценка неразрывно связана с языковой коннотацией, лежит у её истоков. Оценочный компонент может быть положительным или отрицательным и представлять собой продукт совокупности огромного количества факторов: нравственной культуры того народа, для которого создаётся текст, политического и идеологического контекста эпохи.

Существует два научных подхода к понятию коннотации – собственно лингвистический и экстралингвистический. В рамках собственно лингвистического подхода коннотация определяется как дополнительный элемент лексического значения слова, который выражает оценку и эмоционально-экспрессивные оттенки высказывания.

Как мы уже показали выше, языковые единицы помимо своего денотативного значения имеют способность реализовывать дополнительные коннотативные значения, которые делятся на эмоционально-экспрессивные и функционально-стилевые.

Эмоционально-экспрессивная коннотация выражает оценку, которая может быть как положительной, так и отрицательной (негативной). На этом основании языковые средства делятся на мелиоративные (выражающие положительную оценку) и пейоративные (выражающие негативную оценку).

А.В. Кунин выделяет оценочный компонент коннотации и подразумевает под ним «объективно-субъективное или субъективно-объективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно» [Кунин 1996: 94]. По мнению учёного, эмотивность невозможна без оценки. Под термином эмотивность А.В. Кунин понимает чувственное отношение к объекту высказывания, выраженное языковыми средствами.

В.И. Шаховский в своих работах рассматривает оценку как естественный компонент коннотации в структуре лексического значения слова, поскольку «мы понимаем и чувствуем одновременно, т.к. оцениваем и переживаем одновременно с названием объекта оценки» [Шаховский 1983: 17].

В.Н. Телия, говоря об оценочности лексических единиц, вводит понятие «модальной двувёршинности» [Телия 1986]. В высказываниях, в которых оценочность выражена непосредственно лексемами с оценочной семантикой занимают вершинную позицию оценочная, или собственно оценочная, или денотативно-оценочная модальность. Её задача – предоставить дополнительную информацию о денотате, положительную или отрицательную.

В высказываниях, где лексические единицы обладают коннотацией, вершинную позицию занимает эмотивно-оценочная модальность. Оценочная деятельность в данном случае может быть направлена на предмет, его

значение, внутреннюю форму и выражать субъективное отношение к объекту высказывания.

Таким образом, проанализировав взгляды разных учёных на соотношение коннотации и оценки, мы пришли к выводу, что данные явления связаны друг с другом тесным образом и зависят один от другого. Оценка является неотъемлемой частью коннотации, способствует возникновению новых коннотативных значений и смыслов. Коннотация же, в свою очередь, служит средством вербального выражения оценки.

Денотативное значение также может содержать элементы оценочности. В этом случае вся лексема представляет собой оценочную номинацию. Ядро значения такой лексеммы уже содержит оценку, она ей присуща изначально, а если оценочный компонент значения принадлежит коннотации, то данная сема находится на периферии значения, является чужеродной для лексической единицы.

Р.М. Якушина считает наиболее эффективными методами выявления местоположения семы оценки в семантической структуре слова метод дефиниционного анализа и метод трансформации [Якушина 2003].

При проведении дефиниционного анализа мы должны обратиться к словарям и проанализировать наличие или отсутствие оценочных слов в словарной статье, дающей описание интересующей нас лексеммы. А.В. Вестфальская в своей статье «Оценка и коннотация: современные подходы» приводит следующий пример: «... если из толкования значения слова «good» удалить слова «right» и «worth praising», несущие в себе оценку, то слово «good» вообще перестанет существовать. Good – of the right kind, having qualities that are worth praising [Вестфальская 2015]. Мы видим, что оценка в семантической структуре слова «good» принадлежит денотативному микрокомпоненту значения, является его предметно-логическим содержанием.

Второй метод – метод трансформации дефиниции принадлежит И.А. Стернину [Стернин 1985: 71]. Суть данного метода заключается в том, чтобы

изменить дефиницию значения слова на высказывание, заканчивающееся словами «и это хорошо» или «и это плохо». При формулировке данного высказывания важно не использовать других оценочных слов. Если подобный эксперимент увенчается успехом, то можно сделать вывод о том, что оценка относится к коннотативному микрокомпоненту значения лексемы. Р.Я. Якушина использует в своём исследовании метод трансформации дефиниции слова «rich», определяя его фразой «having a great deal of money». В предложенной фразе не содержится оценки как таковой, но мы с лёгкостью можем сказать, что это хорошо, когда денег много. То есть, в данном случае оценка принадлежит коннотации и сможет быть реализована только в определённом языковом и ситуативном контексте, при совокупности различных факторов.

В фокусе нашего исследования находится негативная оценка и способы её выражения в тексте. Оценочность может быть выражена на всех уровнях языковой системы. Ю.А. Карпова [Карпова 2011: 75] отмечает, что на фонетическом уровне негативная оценка может быть выражена в фонологическом изменении звуков, например, придыхании, изменении длительности звука и т.д.; интонацией и особыми акцентными средствами. На морфологическом уровне оценочность создаётся целым рядом деминутивов, использованием различных аффиксов с уменьшительно-ласкательным и уничижительным значением. На лексическом уровне – использованием средств обозначения эмоций, междометий, эмоционально-усилительных наречий, усилительных частиц, метафор и т.п. На синтаксическом уровне отмечается активное использование эллиптических конструкций, повторов, инверсии, парцелляции.

Конечно, в рамках лингвистического исследования конфликтогенных текстов, как правило, достаточно проблематично определить фонетические средства выражения негативной оценки, в то время как средства остальных языковых уровней представляются более наглядно и могут быть проанализированы лингвистом-экспертом. Н.М. Дмитриева подчёркивает,

что «первостепенная роль в выражении отношения к личности, в том числе и негативного, принадлежит лексико-семантическим средствам, морфологические и синтаксические особенности выполняют, как правило, дополнительные функции [Дмитриева 2018: 543].

А.С. Стаценко кроме языковых средств говорит об особых текстуальных средствах выражения негативной оценки:

- 1) изменение повествования и структуры частей текста;
- 2) использование специальных приёмов построения формы текста, помогающее сконцентрировать внимание читателя на отдельных чертах текста;
- 3) сцепление;
- 4) приём «обманутое ожидание»;
- 5) сильная позиция;
- 6) игровая аппликация как «особая модификация аппликативных конструкций, <...> строящихся по принципам игры» [Стаценко 2011: 62].

Данные текстуальные средства должны быть учтены при выполнении лингвистической экспертизы и проанализированы, однако они являются дополнительными средствами выражения негативного отношения к личности, и в исследовании служат в качестве доказательств уже сформированных выводов.

Таким образом, мы можем сказать, что главными средствами выражения оценки в тексте, как положительной, так и негативной, выступают лексические и словообразовательные средства, а средства фонетического и синтаксического уровней могут выражать оценку только имплицитно.

Для дальнейшего проведения исследования нам необходимо обозначить, что конкретно мы подразумеваем под негативной оценкой, а также негативной информацией. Обратимся к словарному толкованию слова «негативный». В словарях данное слово имеет значение «отрицательный», то есть негативная характеристика значит отрицательная характеристика. Слово

«отрицательный» является многозначным. Для лингвиста-эксперта представляется важным два значения данного слова: «закрывающий в себе отрицание, отвергающий что-либо» и «обладающий плохими чертами, качествами» [Ожегов 2008: 479]. Большой толковый словарь раскрывает значение слова «отрицательный» более развернуто: «вызывающий неодобрение; плохой по своим качествам, свойствам» [Кузнецов 1998: 759].

Следовательно, негативная оценка физического или юридического лица, негативная информация о нём – это отрицательные сведения, которые характеризуют лицо как обладающего плохими качествами, выражают неодобрение его деятельности. Для проведения лингвистических экспертиз основным вопросом является, носят ли данные сведения порочащий характер (производное от глагола «порочить» – «навлекать позор на кого-нибудь, бесчестить; осуждать, чернить» [Ожегов 2008: 565]. Соответственно, негативное отношение – это не только отрицательная характеристика физического или юридического лица, но и вербализация чувства раздражения и враждебности по отношению к этому лицу.

В лингвистической экспертологии под негативной информацией понимается такая информация (сведения), которая содержит отрицательную характеристику лица (физического или юридического) с точки зрения здравого смысла, морали или с правовой точки зрения (в той мере, в которой это может понимать любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции). Если такая информация не соответствует действительности, то она, несомненно, чернит репутацию [Цена слова 2002: 200].

Таким образом, в лексике негативная оценка заключена в денотативном или коннотативном значении слова, соответственно, может быть выражена эксплицитно и имплицитно. Эксплицитно негативная оценка может быть вербализована в так называемых «эмотивах-номинантах» [Дмитриева 2018: 544], которые выражают различные эмоции и переживания. Данное экспрессивное значение в лексических единицах может считываться и вне

контекста, к ним относятся инвективы, бранные слова, существительные, прилагательные, наречия, аффиксы с уничижительным или фамильярным значением.

Имплицитными средствами выражения негативной оценки являются «эмотивные коннотативы» [Дмитриева 2018: 544]. Их значение становится понятным только в рамках контекста, сюда относятся метафора, перифразы, ирония, частое употребление интонационно окрашенных предложений и многое другое [Карпова 2011].

Оценка всегда, будь то оценка самой личности или оценка её деятельности, формируется через призму мировосприятия автора высказывания, его установок о норме и идеале. Оценке подвергаются многие аспекты личности человека, например, внешность (*неаккуратный, красивый, стильный*), черты характера (*непослушный, вспыльчивый, заботливый*), свойства личности (*активный, трудолюбивый, самостоятельный*), умственные способности (*сообразительный, недалёкий, бестолковый*), отношение личности к другим людям (*внимательный, отзывчивый, общительный, грубый, подлый, высокомерный*), к работе (*ответственный, трудоголик, лентяй*) и собственности (*жадный, щедрый, экономный*) [Дмитриева 2018: 544].

Выводы по первой главе

Рассмотрение теоретических работ, связанных с исследованием смысловой стороны текста, позволило сделать нам следующие выводы:

1) При рассмотрении вербального текста под смыслом принято понимать «целостное содержание какого-либо высказывания, не сводимое к значениям составляющих его частей и элементов, но само определяющее эти значения» [Валгина 2003: 244]. Ситуация и контекст, в которых используется слово, определяют необходимую сторону в системе его значений, т.е. происходит актуализация значения через смысл.

2) Смысл высказывания складывается из значений лексем, входящих в его состав. В каждом конкретном высказывании слово реализуется в одном из своих возможных значений.

3) Смысл бывает поверхностным и глубинным. Поверхностный смысл зависит непосредственно от значения слов, входящих в состав высказывания и может быть определён при помощи словаря и языкового опыта. Для выявления глубинного смысла необходимо проанализировать языковой материал с учётом контекста, различных видов информации и различных семиотических систем. Задача лингвиста при проведении исследования конфликтного текста выявить и поверхностный, и глубинный смысл.

4) Для комплексного анализа текста важно учитывать все компоненты семантической структуры слова, в частности ассоциативно-образный компонент, который связывает денотативное и коннотативное содержание единицы языка.

5) Любые процессы человеческого мышления над конкретным предметом или явлением могут протекать исключительно в связанных языковых единицах, которые и формируют семантический контекст.

6) Выделяется содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая информация [Гальперин 2008]. Исследование следует проводить с учётом всех видов информации.

7) Коннотация и оценка связаны друг с другом тесным образом и зависят один от другого. Оценка способствует возникновению новых коннотативных значений и смыслов, а коннотация служит средством вербального выражения оценки.

8) Негативная оценка заключена в денотативном или коннотативном значении слова, соответственно, может быть выражена эксплицитно и имплицитно. Эксплицитно негативная оценка может быть вербализована в эмоционально и стилистически окрашенных словах.

Глава 2 Методы и принципы семантического анализа высказываний в практике экспертного исследования

2.1 Описание семантики слов и выражений по данным словарей

Проблема соотношения понятий «значение» и «смысл» не менее актуальна для конфликтогенных текстов, так как они чаще всего функционируют в сфере общественно-политических отношений (тексты СМИ, политические, агитационные тексты и др.) и также как художественные произведения являются экспрессивными текстами.

Формирование негативного смысла может осуществляться двумя основными способами: 1) эксплицитно, вербальными средствами (через словарные значения слов и выражений), 2) имплицитно, невербальными средствами (например, посредством пресуппозитивной (фоновой) информации). В ряде рассмотренных статей негативная информация представлена как эксплицитно, так и имплицитно.

Наиболее распространённым в практике лингвистической экспертизы публицистических текстов является **метод анализа конкретных слов и выражений с опорой на толковые словари**. Этот метод используется как основной в большинстве экспертных исследований по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Кроме того, он является основой любой лингвистической экспертизы, назначенной судом по делам об оскорблении. В этом случае хорошим подспорьем лингвисту-эксперту становится классификация оскорбительной лексики. В 2002 году в сборнике «Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации лексики» была предложена типология оскорбительной лексики, которая используется по сей день. Приведём данную типологию [Цена слова 2002: 334-336]:

1. Нелитературная ругательная лексика, жаргонизмы и деалектизмы.
2. Обсценная лексика.

3. Грубое просторечие, являющееся частью литературного языка.

4. Ненормативные слова литературного языка, а именно:

– лексемы, обозначающие лиц по роду их деятельности, осуждаемой в обществе, или по поступкам и образу жизни, которые с моральной точки зрения в обществе считаются неприемлемыми, например, *проститутка, бандит, мошенник, фашист, шпион* и т.д. Важно отметить, что данные лексемы носят констатирующий характер;

– слова и словосочетания, в которых помимо констатации негативной с точки зрения общества деятельности содержится ещё и экспрессивная окраска публицистического характера. Например, *антисемит, двурушник, изменник, предатель, расист, регенерат, русофоб, юдофоб* и т.д.;

– нейтральные номинации лица по профессии или роду деятельности, которые в контексте реализуют своё переносное значение и приобретают уничижительную окраску, сопровождаемую экспрессией осуждения, презрения. К таким номинациям можно отнести, например, лексемы *бюрократ, мясник, чиновник, доктор, учитель*;

– зоосемантические метафоры, в которых также содержится негативная экспрессивность и негативная оценка личности, основанная на сведения значимости личности до уровня животного. Часто такие метафоры переходят в разряд бранной лексики, в пример можно привести выражения *сукин сын, свиное рыло* и т.д.; и лексемы *свинья, сука, кобыла, кобель* и т.п.;

– слова, называющие какие-либо действия или качества. Данная группа слов делится на два вида: слова, представляющие собой утверждения (*воровать, хулиганить, насиловать, издеваться, врать*), и оценочные слова с сильной экспрессивной окраской (*прикарманить, хапнуть, спереть, лихоимствовать*);

– оценочные слова с резкой негативной экспрессией, относящиеся к пласту литературной лексики: *дурак, гадина, недалёкий*;

– эвфемизмы к словам первой группы (лексемы, обозначающие лиц по роду их деятельности, осуждаемой в обществе, или по поступкам и образу

жизни, которые с моральной точки зрения в обществе считаются неприемлемым): *женщина лёгкого поведения, агент иностранных спецслужб, ночная бабочка*. Оценочность данных выражений равна оценочности слов первой группы;

– окказионализмы, игра слов и каламбур. Использование в тексте окказиональных образований обусловлено желанием автора высмеять, принизить адресата из-за невозможности понять и принять его деятельность, образ мышления, поступки. Приведём пример: *коммуняки, единороссы, дерьмократы, прихватизация*.

Рассмотрим фрагмент статьи «Редакторская правка», опубликованной в журнале «Дорогое удовольствие» (октябрь/ноябрь 2018 Самара/Тольятти):

«– А все эти новые издания, которые открылись последние пару лет в Тольятти?»

– О! Это отдельная тема. И тема дурно пахнущая. К примеру, есть рекламная брошюра «Наш Тольятти», которая именуется журналом. Даже не имеет свидетельства средства массовой информации. НЕ является СМИ. Не является периодикой. Завтра эти люди соберут деньги и сделают ручкой своим доверчивым клиентам – будет даже некого винить. Это чес. Третий состав «Ласкового мая». Сегодня они в Тольятти, завтра в Воркуте. Никто не знает, откуда взялись, никто не ведаёт, где окажутся завтра. По большому счёту, никто даже не помнит их фамилии, потому что издаёт «Наш Тольятти» некая особа под псевдонимом. Кстати, недавно эти горемыки запустили аналогичный фейковый проект «Наша Самара»».

В данном фрагменте содержится следующая негативная информация об издании «Наш Тольятти»:

1. Это издание недавно появилось в Тольятти и относится к числу изданий с плохой репутацией, основанной на недобросовестности и неразборчивости используемых для достижения своих корыстных целей средствах.

Данный оценочный смысл заключён в устойчивом выражении *дурно пахнущая* – от *дурно пахнет* – (перен.) «предосудителен, нечистоплотен» [Ожегов 2008: 494], *нечистоплотный* – 2) (перен.) «неразборчивый в средствах для достижения своих корыстных целей. Нечистоплотные приемы. [Ожегов 2008: 414]. Несмотря на то, что «дурно пахнущей» называется сама тема обсуждения, а не напрямую издание «Наш Тольятти», данная оценка относится именно к изданию, его издателям и негативно характеризует их с точки зрения морально-этических норм.

2. «Наш Тольятти» не имеет документального подтверждения о регистрации как средства массовой информации, поэтому не является журналом, выходящим с определенной периодичностью. Этот негативно оценочный смысл актуализируется в сочетании *рекламная брошюра* (брошюра – «небольшая (до 50 стр.) книжка, обычно общественно-политического или научно-популярного содержания. Популярная брошюра.» [Ожегов 1990: 65]; *брошюра* – небольшая книжечка, обычно без переплета» – [Ефремова 2000], употребленному в данном контексте применительно к изданию «Наш Тольятти» с уничижительной стилистической коннотацией «неполноценный журнал, размещающий в основном рекламные материалы», т.е. не являющийся журналом в полном смысле этого слова (как периодическое издание).

Используется также стилистический приём парцелляции, который позволяет выделить особо важную информацию и обратить на нее внимание читателя. Для этой же цели в данном фрагменте используется дополнительное шрифтовое выделение (НЕ является СМИ).

3. Об издатель/ях журнала/издания «Наш Тольятти» говорится, что они читателям неизвестны, никто их не знает. Более того, они скрывают от читателей сведения о себе. Эта информация, безусловно, чернит репутацию издателя/лей данного издания. Информация имеет форму утверждения и может быть верифицирована.

Содержание данной информации наводится следующими словами и выражениями: *псевдоним* – «вымышленное имя писателя, артиста, политического деятеля» [Ожегов 2998: 628]; *некая особа* – от *некий* – «какой-то (о ком-нибудь точно не известном)» – [Ожегов 2008: 405]; *особа* – О человеке (прежде о важном, почтенном, теперь обычно иронически) – [Ожегов 2008: 461].

Негативный образ издателей журнала «Наш Тольятти», которые в интервью) называются *горемыками* (горемыка– (прост). Горемычный человек; горемычный – (прост.). Несчастный. Злополучный [Ожегов 2008: 142]), что создает дополнительный иронично-саркастический оттенок, характеризующий образ издателей, усугубляется тем фактом, что они занимаются тиражированием фейковых (подложных) проектов: *Кстати, недавно эти горемыки запустили аналогичный фейковый проект «Наша Самара».*

Фейковый проект – (сленг) ненастоящий, подложный; ненастоящий, подложный, говорят про аккаунт в социальной сети, в котором человек берёт ненастоящее имя или использует фотографии другого человека, выдавая их за свои. Слово *фейк* – это калька с английского *fake*, что переводится как «подделка, фальшивка, подлог». То есть, суть фейка – фальсификация. Фейк, как массовое явления, существовал еще до эры Интернета. Сегодня же он широко распространен как в онлайн, так и за его пределами. Вне Интернета под *фейком* чаще всего подразумевается фальсифицирование товаров от известных брендов.

Таким образом, информация об издателях, которые занимаются созданием подложных проектов, безусловно, имеет негативный характер и чернит их репутацию.

Кроме того, эта же информация негативно характеризует сами проекты этих издателей – «Наша Самара» и «Наш Тольятти», поскольку номинация *фейковый проект* относится и к изданию «Наш Тольятти» (эта связь

устанавливается в данном контексте через анафорически употребленное слово *аналогичный*).

В статье «Вот стою на асфальте я, в лыжи обутой. То ли лыжи не едут, то ли я ...», опубликованной в газете «Тольяттинский химик» 05.11.2010 г. (№142), негативная по содержанию информация о Н.В. Вороновой и Э.А. Гусяковой содержится в следующих фрагментах:

1. *С появлением в штате юридического отдела Тольяттикаучука новой плеяды специалистов, таких как Воронова и Гусякова, методы работы отдела кардинально поменялись. Некомпетентность и отсутствие аргументированной правовой позиции они пытаются компенсировать аморальным поведением в отношении всех участников судебных заседаний. Сказывается уровень культуры. Достаточно вспомнить придуманную ими историю про ж...лиза.*

В данном фрагменте текста – лиде (части заголовочного комплекса) – дается негативная оценка профессиональным качествам Н.В. Вороновой и Э.А. Гусяковой как юристов, не владеющих достаточным уровнем необходимых профессиональных знаний и их моральным качествам (пренебрежение нормами морали в отношении участников судебных заседаний), что ставит под сомнение их профессиональную пригодность и, безусловно, чернит их деловую репутацию. Данная негативная информация аккумулируется в лексемах *некомпетентность* и *аморальный*:

1) *некомпетентность* – абстрактное существительное, образованное суффиксальным способом от прилагательного некомпетентный – «не имеющий достаточных знаний в какой-л. области» [Ефремова 2000]. В контексте фразы и статьи в целом значение слова *некомпетентность* применительно к Н.В. Вороновой и Э.А. Гусяковой уточняется: «отсутствие достаточных знаний в области юриспруденции»;

2) *аморальный* – «противоречащий морали, безнравственный» [Ожегов 1990: 23]; «отрицающий мораль; безнравственный» [Ефремова 2000];

безнравственный – «несовместимый с нормами нравственности, морали (о поведении человека)».

Субъекты действия (носители охарактеризованных выше негативнооценочных свойств) в анализируемом предложении (некомпетентность и отсутствие аргументированной правовой позиции они пытаются компенсировать аморальным поведением в отношении всех участников судебных заседаний) обозначены личным местоимением третьего лица множественного числа *они*, которое через анафорические внутритекстовые связи соотносится с субъектами действия предыдущего предложения – Н.В. Вороновой и Э.А. Гусяковой, входящими (через отношение включения) в обозначенную автором обобщенную номинацию – *новую плеяду специалистов* (следует отметить, что для личных местоимений-существительных основной функцией является указание на предмет или лицо, уже известные в речевой ситуации; в контексте данной статьи таковыми являются Н.В. Воронова и Э.А. Гусякова).

2. *Центральный районный суд недавно приступил к рассмотрению целого ряда жалоб юристов «Тольяттикаучука» на публикации в нашей газете. Материалы дела нестрят нецензуриной...*

3. *Для чего юристам уважаемого предприятия, с помощью проницательного эксперта, скатываться в своих доводах в суде до откровенной и неприкрытой матерщины?*

В данных фрагментах вариативно повторяется негативная информация о Вороновой и Гусяковой (субъектная отнесенность данной негативной информации, также как и предыдущей негативной информации, устанавливается из контекста статьи в целом), выраженная в заголовочном комплексе и рассмотренная выше. Содержание негативной информации в данном фрагменте аккумулируется в следующих словах:

1) *нецензуриной* (имя существительное, образовано от прилагательного нецензурный – «неприличный, непристойный» – [Ожегов 1990: 413];

2) в слове *матерщина* (матерщина – «разг.-сниж. Матерная брань» [Ефремова 2000].), усиленном оценочными прилагательными *откровенная* и *неприкрытая* (откровенный – «явный, очевидный, открытый, не скрываемый». [Ефремова 2000]; *неприкрытый* – «совершенно откровенный, не скрываемый». [Ефремова 2000]) и оценочным предикатом (глаголом) *скатываться* (скатиться – многозначный глагол, в данном контексте употреблено в переносном значении с негативно-оценочной коннотацией «в своем поведении, поступках дойти до чего-нибудь предосудительного, до крайности» [Ожегов 1990: 719].

В статье «Когда тебе плохо, выматерись – и станет легче. Юристы «Тольяттикаучука» «облегчились» в суде: ненормативная лексика в их заявлении повергла всех в шок», опубликованной в газете «Тольяттинский химик» 30.01.2012 г. №2(175) содержится следующая негативная информация:

1. *Когда тебе плохо, выматерись – и станет легче. Юристы «Тольяттикаучука» «облегчились» в суде: ненормативная лексика в их заявлении повергла всех в шок.*

В данном фрагменте, представляющим собой 2 части заголовочного комплекса – заголовок и подзаголовок – представлена информация о том, что юристы «Тольяттикаучука» использовали ненормативную лексику в суде, что, безусловно, негативно характеризует их не только как профессионалов, которые должны профессионально владеть речью (и, прежде всего, понимать разницу между литературным языком и ненормативными пластами языка, принятыми к употреблению отдельными слоями общества), но и как носителей языка, нарушающих выработанные обществом и закреплённые общественной практикой речевые нормы. Содержание данной негативной информации наводится с помощью лексического значения слов «выматерись», «облегчились», «ненормативная лексика»:

1) *выматериться* – «разг.-сниж. Выбраниться матерными словами» [Ефремова 2000].

2) *облегчиться* – многозначный глагол, в данном контексте актуализируется, прежде всего, значение «освободиться от тяжести (нравственной, физической)» [Ожегов 1990: 427]; в частности, в данном контексте это значение конкретизируется – «освободились с помощью слов от накопившихся негативных эмоций» (на это значение слова указывает и автор статьи, саркастически полемизируя с текстом составленного «заводскими юристами» заявления в суд: *«В связи с этим считаем необходимым пояснить, что использованное в подзаголовке данной статьи выражение «облегчились» никак не связано с любимейшей кое-кому темой дисбактериоза и использовано здесь исключительно в значении «облегчили душу»*). Однако поскольку у данного глагола есть и другое, сниженное значение «разг.-сниж. Освободить себе кишечник, желудок (испражнением, рвотой)» [Ефремова 2000], известное носителям русского языка, при употреблении данного слова в анализируемом контексте возникает преднамеренная двусмысленность, так называемая диалогия (в результате наложения двух значений одного многозначного слова), которую автор статьи использует с целью создания комического эффекта.

В рассмотренных выше фрагментах негативный смысл извлекается из значения конкретных слов и выражений, используемых в статье. Как мы видим, чаще всего негативная информация в публицистических текстах выражена средствами литературного языка, без использования жаргонов, диалектизмов, обценной лексики, грубого просторечия. В первую очередь, на наш взгляд, это связано с цензурой. Использование в тексте бранной лексики существенно снижает уровень подаваемого материала, он воспринимается как нечто оскорбительное, не заслуживающее доверия.

Негативная информация в рассмотренных нами фрагментах формируется с помощью лексики, в значении которой уже заключена негативная оценка вне зависимости от контекста, в словарных статьях. У читателя таких текстов не возникает ощущения «чернушности» статьи,

изложенная информация представляется констатацией фактов, а негативная оценка физического или юридического лица – обоснованной.

Ненормативная лексика чаще используется в устной речи, это связано с её экспрессивностью и неподготовленностью, и в речи. Так, нами был проанализирован фрагмент копии протокола судебного заседания по делу №1-103/10 от 08.12.2010 г. В тексте копии протокола судебного заседания упоминается слово *сопляки*, которое А.А. Ерохин в процессе судебного заседания произнес в адрес С.А. Краснокутского и Ю.А. Краснокутской. Охарактеризуем данное слово.

Слово «*сопляки*» относится к просторечию и характеризуется пренебрежительной экспрессивной окраской и резко негативной оценкой. На эти характеристики слова указывают стилистические пометы, которыми отмечается данное слово в словарях: *сопьяк* – (просторечное, пренебрежительное) «то же, что *молокосос*» [Ожегов 1990: 746] *молокосос* – (разговорное, пренебрежительное) «человек, который слишком молод для суждения о чем-нибудь, для какого-нибудь дела» [Ожегов 1990: 361]; *сопьяк* – (просторечное, пренебрежительное) «неопытный, неумелый юнец; *молокосос*» [Квеселевич 2003: 802]. В соответствии с данными характеристиками слово *сопляки* следует отнести к ненормативной лексике (т.е. находящейся вне сферы действия норм литературного языка), употребление которых в речи (устной и письменной) нарушает нормы общественной морали, общепринятые в данном социуме представления о приличии/неприличии, и квалифицировать форму данного слова как неприличную, слово относится к разряду оценочных слов с резкой негативной экспрессией.

Данное слово характеризует не отдельные поступки С.А. Краснокутского и Ю.А. Краснокутской, а в целом их как личностей, т.е. даёт им обобщённую характеристику.

Таким образом, анализ слов и выражений по данным словарей позволяет выявить как поверхностный, так и глубинный смысл спорного

текста. Лингвисту-эксперту в первую очередь необходимо выделить в таком тексте тот лексический материал, который позволит сделать вывод о негативной оценке физического или юридического лица, его деятельности, выраженной автором текста через конкретные слова и выражения, имеющие в своей семантической структуре негативно оценочную сему, и тем самым выявить языковые факты нанесения ущерба чести, достоинства и деловой репутации лица. В публицистическом тексте это, как правило, литературные слова и выражения, имеющие в своей семантической структуре отрицательный компонент значения. Нередко используется разговорно-сниженная лексика, которая формирует негативно-оценочный смысл всего текста.

2.2 Определение семантики слов и выражений с учётом контекста употребления

Слова в русском языке в большинстве своём многозначны и в контексте реализуют то или иное своё значение. Выражения, словосочетания и предложения также могут выражать различные смыслы в зависимости от контекста. В связи с этим возникает проблема несовпадения авторского замысла и читательского восприятия того или иного слова, выражения, текста. Это приводит к множеству разногласий при трактовке спорных текстов.

И.А. Стернин предлагает следующий алгоритм работы с такими текстами. В первую очередь необходимо описать все существующие в языке значения слова, а потом указать те лингвистические маркёры, которые помогают сделать вывод, что в данном тексте реализуется какое-то конкретное значение. На этом этапе самое время обратиться к контексту. Если этого не сделать, то исследование фрагмента спорного текста может привести к ошибочным выводам [Стернин 2016].

Роль контекста – выявление конкретного значения некоторого абстрактного содержания слова, экстраполированного, как правило, в словарях. Часто слова в контексте приобретают дополнительные смысловые оттенки, которые в словарях не отображены. Чтобы выявить значения таких слов нужно проанализировать весь текст. Анализ контекста помогает снять полисемичность языковой единицы, актуализировать именно то значение, которое наиболее релевантно данному лингвистическому окружению.

В зависимости от функции выделяют разрешающий, поддерживающий, погашающий, компенсирующий, интенсифицирующий контексты [Торсуева 1990]. Разрешающий контекст помогает снять полисемию, конкретизировать значение многозначного слова. Поддерживающий контекст обеспечивает повторяемость значения конкретной единицы в тексте (например, научные термины). Погашающий контекст формирует новые контекстуальные значения слова, отличные от тех значений, которые закреплены в словарях. Компенсирующий контекст восполняет смысловое содержание, например, при эллипсисе. Интенсифицирующий контекст – это случаи появления так называемых мигающих значений, когда несколько значений реализованы в тексте одновременно.

Рассмотрим фрагмент статьи «Братья Дудцевы насвинничали у святого источника в Ташле», опубликованной журнале «Живая Россия» 18 марта 2018 года.

Уже в самом заголовке содержится негативная оценка деятельности Дудцева. Негативная семантика актуализируется в слове *насвинничали* – *свинничать* – «хулиганить, шалить; пачкать что-л., приводить в беспорядок» [Елистратов 2002]. Помимо закреплённого в словарях значения в данном контексте слово «насвинничали» приобретает дополнительный смысловой оттенок «развели деятельность, связанную с содержанием свиней». Здесь используется приём диалогии, формируется двусмысленность высказывания, поскольку деятельность Дудцева связана со свинарниками в Ташле, а вред,

который эти свинарники наносят святому источнику, находящемуся поблизости, является основной темой статьи.

Автор текста изначально рассчитывал на двусмысленность восприятия заголовка, которая раскрывается только в контексте, после прочтения статьи целиком. Провокационное название служит для привлечения читательского внимания, а его двусмысленность помогает выразить определённые авторские идеи, его мнение и оценку деятельности братьев Дуцевых. В данном случае контекст создаёт новое значение лексемы, отличающееся от значений, закреплённых в словарях, следовательно, речь идёт о погашающем контексте.

Субъектная отнесенность данной информации устанавливается при помощи предикативной основы, где «*братья Дуцевы*» – это подлежащее, а «*насвинничали*» – сказуемое. Информация имеет форму утверждения, на что указывают соответствующие грамматические маркёры: информация выражается в составе повествовательного предложения в форме реальной модальности (сказуемое *насвинничали* представлено в форме прошедшего времени, изъявительного наклонения). Данная информация носит констатирующий характер и содержит негативную оценку в самой лексеме «насвинничали».

Рассмотрим следующий фрагмент статьи:

«Однако и работники этого агрохозяйства, и местные жители говорят о том, что именно семья Дуцевых управляет сельхозпредприятием. Если эти сараи вообще можно назвать предприятием. Чаще всего, по их рассказам, здесь появляется Сергей Дуцев – родной брат авторитетного единоросса. Он тут босс».

В данном фрагменте негативная информация содержится в следующих словах и выражениях:

1) *«Если эти сараи вообще можно назвать предприятием».*

В этом предложении слова «*предприятие*» и «*сараи*» выступают в качестве контекстуальных синонимов. Автор делает выбор в пользу лексемы

«сарай» для обозначения объекта предпринимательской деятельности братьев Дуцевых с целью выразить своё пренебрежительное отношение к их бизнесу, умалить значимость этого бизнеса в глазах читателя. Само слово «сарай», которое в одном из своих переносных значений имеет в «Толковом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой стилистическую помету «разговорное»:

сарай – 1) Крытое хозяйственное помещение.

2) перен. разг. Некрасивое здание.

3) перен. разг. Большая неуютная комната [Ефремова 2000].

Однако в рассматриваемой статье это слово используется не в значении «некрасивое здание» или «неуютная комната» и не в значении «крытое хозяйственное помещение» (хотя это значение, безусловно, тоже реализуется в данном предложении). После анализа контекста мы видим, что слово «сарай» употреблено в значении «грязное, неухоженное место» и имеет негативно оценочную направленность. Предложение носит уничижительную окраску. В данном случае мы можем говорить о погашающем контексте, который сформировал контекстуальное значение слова, имеющее в силу своей уничижительной коннотации более выраженную негативно оценочную окраску.

2) «Он тут босс».

Босс – 1) Владелец, руководитель предприятия, учреждения, фирмы. 2) Любой руководитель, начальник [Ефремова 2000]; 1) Хозяин 2) а также вообще предприниматель, делец [Ожегов 1990: 57].

Мы видим, что в словарных статьях слово «босс» не имеет никаких стилистических помет, сигнализирующих либо о сфере употребления, либо об эмоциональной окрашенности языковой единицы. Однако в данном контексте слово «босс» приобретает стилистическую окрашенность. У слова появляется ироническая, пренебрежительная коннотация – «начальник сараев». В этом случае мы также можем говорить о погашающем контексте. Субъектная отнесенность данной информации устанавливается через

анафорические связи внутри текста: «Чаще всего, по их рассказам, здесь появляется Сергей Дuceв – родной брат авторитетного единоросса. Он тут босс». Употребление местоимения *он* в последующем предложении указывает на отнесённость информации к Сергею Дuceву, поскольку личные местоимения имеют свойство связывать предложения в тексте, данная функция личных местоимений называется анафорической.

Следует отметить, что ироничные и саркастичные высказывания чаще всего определяются из контекстуального значения слова.

Использование иронии в публицистическом тексте помогает сделать его более оригинальным, повышает образность языка статьи, повышает качество написанного текста. Кроме этого, как показал анализ ряда статей, участвующих в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации, ирония является одним из наиболее частотных имплицитных средств выражения оценки в современной публицистике. Об этом пишет Л.Р. Дускаева: «Сфера действия социальной оценочности сравнительно с предшествующим периодом сужается, а степень её выраженности снижается. В условиях смены или отсутствия чётких идеологических и политических ориентиров трудно давать оценку непрерывным и часто непредсказуемым изменениям общественной и политической жизни. У журналистов, да и у общества в целом не сформировались ещё собственного мнения, собственной позиции по отношению к тому или иному явлению. И тогда на помощь приходит спасительная ирония» [Дускаева 2003: 667].

Иронической трансформации подвержены оценочные слова – слова с положительной оценкой начинают выражать негативную оценку, а слова с негативной оценкой – положительную. Однако этому процессу подвержены и нейтральные слова. Так произошло со словом «босс», рассмотренным выше. Стилистически нейтральное слово «босс», которое по своей семантической природе выражает понятие, вызывающее в сознании человека положительные ассоциации (босс: начальник, успешный человек, авторитетное лицо и т.д.), приобрело негативно оценочный оттенок.

Умение распознавать в тексте иронию позволяет читателю правильно трактовать авторскую позицию. По мнению А.А. Щербиной, «необходимый элемент иронии – стремление скрыть истинный смысл сказанного, но скрыть так, чтобы об этом можно было догадаться» [Щербина 1976]. В случае если автор хочет, чтобы его оценка была понята однозначно, он выражает её без помощи иронии, эксплицитно. Как мы видим, чаще всего авторы пользуются разными способами выражения своей оценки, в сочетании.

В рассмотренном фрагменте статьи «Чужой», опубликованной в спецвыпуске газеты «Консультант-Тольятти» 9 марта 2007 года, негативная информация о В.А. Гройсмани и его деятельности формируется с помощью контекстуальных значений слов в следующих фрагментах. Рассмотрим их.

1. «*Что сделал доктор Гройсман за два депутатских срока или почему в Тольятти лечиться не чем?*»

«*Лечиться не чем*» – в данном контексте означает «отсутствие финансирования здравоохранения». Слово *доктор* в контексте приобретает дополнительный смысловой оттенок, так как его употребление обусловлено желанием автора статьи сделать акцент на профессиональной принадлежности В.А. Гройсмана и тем самым усилить негативную оценку последствий его деятельности.

В словаре Ожегова приводится следующее толкование слова «*доктор*»: «1. То же, что врач» [Ожегов 2008: 172]. *Врач* – «Специалист с высшим медицинским образованием» [Ожегов 2008: 102]. Мы видим, что лексемы *доктор* и *врач* являются стилистически нейтральными по своей семантической природе. Приращение негативно оценочного смысла происходит под влиянием контекста, из которого становится понятно, что политическая деятельность В.А. Гройсмана, который является по своей основной профессии доктором и должен быть заинтересован в развитии и финансировании медицинской отрасли, привела к тому, что проблемы медицины не просто не решились, а наоборот усугубились. Делая акцент на профессиональной принадлежности В.А. Гройсмана, автор статьи возлагает

на него двойную ответственность и выражает идею о том, что, поскольку политическая деятельность В.А. Гройсмана привела к усугублению проблем медицины, его нельзя назвать хорошим врачом. Причинно-следственная связь между политической деятельностью В.А. Гройсмана и отсутствием финансирования здравоохранения выражается во фрагменте при помощи союза *или*.

2. *«Благодаря своему невинному увлечению политикой на протяжении всей жизни в Тольятти он умудряется наращивать и приумножать личное состояние».*

Употребление слова *невинный* в значении «3. Безвредный, не заслуживающий порицания» [Ожегов 2008: 402] в данном контексте способствует созданию иронии. Данного эффекта удаётся достичь при сопоставлении первой и второй частей высказывания. Накопление состояния за счёт увлечения политикой не может быть безвредным для общества и не осуждаться им, поскольку приращение состояния происходит не путём честной работы и честного заработка, а путём получения взяток, удерживания финансов, которые должны быть потрачены на развитие той или иной общественной сферы. Лексема *умудриться* – 2. Разг. Изловчившись, суметь что-л. сделать [Евгеньева 1999] в предложении указывает на то, что состояние В.А. Гройсмана нажито не честным трудом, а с помощью хитрости, что негативно характеризует всю политическую деятельность доктора.

3. *«Политика – это дело такое... Я всегда говорю: «Вы видели, как комар писает? Вот это и есть политика!» – поучал как-то Виталий Гройсман одного из журналистов. Виталий Александрович знает, что говорит».*

В представленном фрагменте проводится аналогия между комаром и В.А. Гройсманом, на что указывает предложение «Виталий Александрович знает, что говорит». *Комар* – маленькое двукрылое кровососущее насекомое с тонким удлинённым тельцем и длинным хоботком [Ефремова 2000: 967].

Автор указывает на то, что зарабатывание В.А. Гройсманом своего состояния происходит не совсем порядочным путём, за счёт причинения неудобств жителям города. Проводится аналогия с комаром, которая также проявляет скрытость политических манипуляций. То есть, политика – это тайна за семью печатями, никто не знает, как совершается политика. Это даёт возможность проводить различные тайные манипуляции. Это можно рассматривать как импликацию – вывод, который делается читателем из контекста фразы, приведенных фактов. Причём автор не использует прямое сравнение В. Гройсмана с насекомым, только контекстуальное окружение слова позволяет сделать вывод о метафорическом сравнении доктора с комаром.

Метафоризация является продуктивным средством формирования негативной информации в публицистических и агитационных текстах. Это связано с тем, что образные ассоциации являются неотъемлемой частью мышления всех уровней умственной деятельности человека, они сопровождают как профессиональные, так и общественные интересы. В повседневной жизни, технологических и гуманитарных науках, в художественных произведениях используются свои собственные образные системы, которые имеют общечеловеческий, национальный, социальный или профессиональный уровень. Как бы то ни было, даже самая абстрактная информация может быть разбита на образные категории или передана с помощью более простых ассоциаций.

Всё языковое многообразие современной системы языка можно считать только ориентировочным отблеском хранящихся в памяти и отраженных в сознании личности образов и образных систем. Метафорические значения могут быть сформированы при помощи небольшого набора слов, значения которых расширяются благодаря влиянию человеческой мысли и чувства.

Рассмотрим ещё один фрагмент статьи «Чужой»:

«Но тогда пенсионеры ещё жили, если честно, ещё ничего. Потом на политической арене появилась новая партия «Единая Россия». Льготы

старикам эти политиканы сразу отменили, квартплату взвинтили, лекарств лишили... Не стоит и удивляться, что Виталий Александрович Гройсман вскоре стал сторонником, а потом и членом этой чудесной партии. Понятно: хорошие люди попросили вступить. Деньги делают всё».

Негативная семантика этого фрагмента актуализируется в лексемах «сторонник» и «член».

1. Сторонник – последователь каких-нибудь взглядов, учения, чей-нибудь приверженец [Ожегов 1990].

2. Член – 3) перен. Каждое лицо из числа входящих в состав какой-л. группы, объединения [Ефремова 2000].

Сами по себе слова (в силу своих словарных значений) не являются негативными. Негативная семантика формируется под влиянием контекста, за счёт соотношения двух частей фрагмента – первой, в которой описывается далеко не положительная политика «Единой России» («льготы старикам эти политиканы сразу отменили, квартплату взвинтили, лекарств лишили»), и второй, в которой говорится о том, что В.А. Гройсман поддерживает тактику партии «Единая Россия». Негативное отношение к политике партии Единая Россия аккумулируется в слове «политикан» – политикан – «беспринципный политик, политический деятель, неразборчивый в средствах для достижения своих целей» [Евгеньева 1999]. Данная словарная статья имеет стилистическую помету «презрительное».

Рассмотрим ещё один фрагмент:

«Специально и только для Гройсмана добрые люди придумали в советское время должность заместителя директора ВАЗа по здравоохранению и спорту. По его признанию там он ежемесячно получал 1700 рублей (при зарплате главврача поликлиники в 160 рублей), приходил на работу и ковырялся в носу».

Негативная семантика этого фрагмента актуализируется в соотношении выражений «ежемесячно получал 1700 рублей» и «приходил на работу и ковырялся в носу».

Словосочетание «ковыряться в носу» в данном фрагменте означает «бездельничать, заниматься ерундой». Негативная семантика данного предложения усиливается за счёт упоминания зарплаты В.А. Гройсмана в должности заместителя директора ВАЗа по здравоохранению и спорту и использования вставной конструкции с информацией о зарплате главврача поликлиники, которая существенно меньше.

Субъектная отнесенность данной информации устанавливается через анафорические связи внутри текста: *«Специально и только для Гройсмана добрые люди придумали в советское время должность заместителя директора ВАЗа по здравоохранению и спорту. По его признанию...»*. Употребление местоимения его в фрагменте указывает на отнесенность информации к В.А. Гройсману.

Обратимся ещё раз к рассмотренному в параграфе 2.1 фрагменту статьи «Вот стою на асфальте я, в лыжи обутый. То ли лыжи не едут, то ли я ...», опубликованной в газете «Тольяттинский химик» 05.11.2010 г. (№142):

«С появлением в штате юридического отдела Тольяттикаучука новой плеяды специалистов, таких как Воронова и Гусякова, методы работы отдела кардинально поменялись. Некомпетентность и отсутствие аргументированной правовой позиции они пытаются компенсировать аморальным поведением в отношении всех участников судебных заседаний. Сказывается уровень культуры. Достаточно вспомнить придуманную ими историю про ж...лиза».

Следующий контекст (3-е и 4-е предложения лида) предлагает читателю авторское обоснование отмеченных негативно оценочных профессиональных и моральных качеств Н.В. Вороновой и Э.А. Гусяковой – это, по мнению автора, низкий уровень культуры (хотя автор и не обозначает конкретной лексемой смысл «низкий уровень культуры», этот смысл извлекается читателем из общего контекста фразы, а также из отсылки к известному читателям данной газеты факту, обозначенному как «история про ж...лиза», негативно характеризующая данных лиц в глазах читателей

(этот негативно оценочный смысл наводится словом *придуманная*, образованное суффиксальным способом от глагола «придумать» – «выдумать, вообразить» [Ожегов 1990: 588] и негативной коннотацией усеченного слова *ж...лиз*, формирующейся за счет звуковой ассоциации с рядом негативно оценочных вульгарных слов с морфемой –лиз).

Контекст мнения проявляется через значение лексемы *сказывается* (от *сказаться* – «3. обнаружиться, проявиться каким-н. образом, как результат чего-нибудь» [Ожегов 1990: 718], обозначающей процесс мыслительной деятельности автора (тот вывод, к которому он пришел, анализируя профессиональную деятельность Н.В. Вороновой и Э.А. Гусяковой).

В заголовке статьи «Слабая половина выборов», опубликованной в статье выпуска № 4 (30) газеты «Хронограф» в 2004, содержится негативная оценка деятельности сразу трёх лиц – Ларисы Бозиной, Зинаиды Масловой и Светланы Пеуновой. Словосочетание *слабая половина*, в сознании человека, думающего и говорящего на русском языке, прочно связано с обозначением женского пола, «слабая половина человечества» – говорят люди, подразумевая девочек, девушек и женщин. То есть, в устойчивом словосочетании «слабая половина человечества» не содержится негативной коннотации. Однако в заголовке статьи «Слабая половина выборов» мы её считываем, в данном случае автором используется стилистическая фигура диалогии, которая формирует двойственный смысл. Формированию негативно оценочного смысла способствует содержание лида – части заголовочного комплекса – в котором уточняется, что эта половина выборов слабая «во всех отношениях». Таким образом, в данном контексте многозначное слово выступает не в одном из своих возможных лексических значений, а в двух и более.

С одной стороны, словосочетание «слабая половина выборов» в заголовке статьи выступает в значении «женская половина выборов». Такой вывод можно сделать, прочитав текст статьи, в котором говорится о трёх женщинах-политиках. В заголовке заключена тема текста, читатель

понимает, что речь пойдёт о женщинах-кандидатах. С другой стороны, анализ контекста позволяет сказать нам о том, что в лексеме «слабая» реализовано и второе значение – «неискусный, плохой» [Ожегов 1990]. Таким образом, можно говорить об интенсифицирующем контексте.

Следующее, что бросается в глаза читателя после заголовка статьи – фотография Ларисы Бозиной с мужчиной, помещённая в правой верхней части страницы. Под фотографией расположена подпись *«На этот раз Ларису Бозину не сняли»*. Слово *снять* является многозначным, в словарях описывается до четырнадцати значений данного слова. Конечно, без контекста читателю трудно определить, что именно оно обозначает. Автор статьи изначально рассчитывает на двусмысленность фразы, его цель – привлечь внимание читателя. В статье рассказывается о нескольких попытках Ларисы Бозиной баллотироваться в мэры города Тольятти, следовательно, лексема *сняли* употреблена в значении «7. удалить, заставить покинуть место, пост» [Ожегов 1990].

В «Большом толковом словаре» под редакцией С.А. Кузнецова отражено жаргонное значение слова *снять* – «14. Жарг. Познакомиться с кем-л. или нанять кого-л. для полового акта» [Кузнецов 1998: 1223]. Анализ контекста показал, что подпись к фотографии никак не связана с данным значением, но сам факт потенциально оскорбительной коннотации слова позволяет сделать вывод о намеренном создании семантически неполного предложения. Изначально даётся установка на негативное восприятие прочитанного – в заголовке и фотографии с надписью, поскольку именно с этими элементами читатель скорей всего ознакомится в первую очередь. В данном случае можно говорить о разрешающем контексте.

Рассмотрим другой фрагмент статьи, посвящённый кандидату Светлане Пеуновой.

«Пианистка Пеунова тоже обнаружила в себе способности народной целительницы и довольно быстро поставила медицинский бизнес на широкую ногу».

В данном фрагменте нейтральное с точки зрения оценочности слово *пианистка* приобретает негативно оценочную коннотацию. Происходит это из-за того, что в данном контексте упоминается профессиональная принадлежность женщины для того, чтобы создать комичность описываемой ситуации – «обнаружении» способностей целительности. В тексте не просто приводится информация о том, что Светлана Пеунова окончила музыкальное училище, а используется приём номинации специальность + фамилия. Этот приём мы уже описывали выше, в примере с «доктором Гройсманом». Как мы видим, данный приём часто используется авторами текстов и чаще всего служит для выражения авторской позиции и оценки. Происходит противопоставление понятий «пианистка» и «целительница» / «врач». Мы понимаем, что медициной должны заниматься люди, имеющие определённое образование в этой сфере, а не те, кто «обнаружил» в себе какие-то способности. Данный фрагмент характеризует Светлану Пеунову как человека, способного на мошенничество ради прибыли. Такой вывод нам позволяет сделать и упоминание в предыдущем предложении Анатолия Кашпировского и Алана Чумака, известных «телемагов» времён перестройки. «... об их заработках ходили легенды», – пишет автор статьи, а далее сообщает о медицинском бизнесе Пеуновой. В данном фрагменте помимо анализа контекста требуется обратиться к пресуппозитивной информации. Этот аспект мы рассмотрим в следующем параграфе.

Таким образом, изучение проблемы определения семантики слов и выражений в спорных текстах с учётом контекста позволило сделать нам следующие выводы:

- 1) Контекст конкретизирует значение многозначного слова, в этом случае речь идёт о разрешающем контексте. В рамках нашего исследования это особенно важно, поскольку от того, правильно истолкует лингвист-эксперт значение слова в спорном тексте или нет, зависит исход дела о защите чести, достоинства и деловой репутации.

2) Контекст способен порождать новые контекстуальные значения в слове, употребление контекстуальных синонимов выступает средством выражения негативной оценки.

3) Анализ контекста помогает выявить иронию в письменном тексте. Ирония часто используется авторами публицистических текстов для выражения своей оценки, а, следовательно, служит средством формирования негативной информации в тексте.

4) Метафоризация является продуктивным средством формирования негативной информации, поскольку метафоры отражают ассоциативную природу человеческого мышления.

5) Опираясь на лексическое и контекстуальное значение слов, лингвист-эксперт может найти и проанализировать содержащуюся в представленном на экспертизу тексте негативную информацию, выявить речевую агрессию и в целом охарактеризовать семантику текста.

2.3 Определение семантики слов и выражений с учётом различных видов информации в тексте

Информация в тексте может быть выражена эксплицитно (вербально) и имплицитно (невербально, скрытно). В соответствии с этим выделяются различные виды информации.

Эксплицитно выражены открытая вербальная и скрытая вербальная информация. Открытая вербальная информация эксплицитна по своей природе, языковые единицы в данном виде информации употребляются в своих прямых, предметно-логических значениях, закреплённых в словарях [Гальперин 2008: 28]. Обычно она представлена в виде отдельного высказывания или в нескольких связанных по смыслу высказываниях, чаще всего в предикативной части. При работе с такой информацией в рамках лингвистического исследования спорного текста лингвистом-экспертом приводятся из сведения словарной статьи, делается вывод о наличии или

отсутствии негативной оценки, её отнесённости к лицу, форме выражения. Этот вид информации не требует расшифровки, работа с ней проводится в первую очередь. Скрытая вербальная информация – это такая информация, когда сведения выражены словесно, но даются как что-то уже известное – в группе подлежащего.

Имплицитно выражена пресуппозитивная, или затекстовая, информация – это такой вид информации, когда сведения о каких-то аспектах события в тексте непосредственно не выражены, потому что подразумевается, что и автор, и читатель текста их знают. Эта информация имеет и другое название – фоновое знание. Говоря о фоновых знаниях, О.С. Ахманова утверждает, что фоновое знание – это «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [Ахманова, 1966: 498]. Следовательно, фоновой оказывается та часть информации, которая является общей для собеседников. Данный вид информации является факультативным и необязательно присутствует в тексте.

Культура носителей русского языка относится к высококонтекстуальным культурам. Значение и смысл вербально воплощённых высказываний в таких культурах сильно зависит от невербального контекста, фоновых знаний и вневлигвистических факторов, таких как социальная роль коммуникантов, их возраст, настроение и так далее [Воронина 2009: 48].

В рамках нашего исследования наиболее интересной представляется область фоновых знаний. При написании публицистических текстов автором учитываются особенности целевой аудитории – используется доступная для понимания данной аудитории лексика, за счёт употребления слов в ироническом и метафорическом значении формируются считываемые ассоциативные смыслы, а также происходит отсылка к тем или иным фоновым знаниям, которыми обладает данная группа людей. Обращение к фоновым знаниям является продуктивным методом скрытого выражения

оценки. Такой вид информации требует расшифровки, опоры на культурологический и исторический контексты.

В научном ключе понятие фоновых знаний впервые было обосновано Е.М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым. Учёные определили, что языковые единицы имеют свойство хранить и накапливать в своём значении знания человека о социальной действительности и опыт [Верещагин, Костомаров: 1976]. Слово перестаёт восприниматься как простой знак, название денотата, становится очевидным, что слово – носитель информации, которое может рассказать о времени, среде употребления. Фоновое знание – историческая категория, «его объем изменяется от века к веку, от поколения к поколению» [Каминская 2013: 341].

Е.М. Верещагин и Н.М. Костомаров приводят следующую классификацию фоновых знаний [Верещагин, Костомаров 1976: 210]:

1) общечеловеческие знания (о цикличности времени, географические знания, сведения о человеке, о космосе, библейские образы, мифологические, сказочные, научная информация и др.);

2) региональные знания (например, не все люди Земли знают, что такое снег, пустыня, тайфун, белые ночи, северное сияние);

3) страноведческие фоновые знания (например, знания о писателях, художественных и исторических памятниках страны и т.д.);

4) социальные, профессиональные (фоновые знания врачей, педагогов, жителей одного города и т. д.).

Рассмотрим фрагмент статьи «Братья насвинничали у святого источника в Ташле», опубликованной журнале «Живая Россия» 18 марта 2018 года.

«В лихие 90-е и стабильные «нулевые» Дуцев был близок к ОПГ Константина Шейкина. (...) Впрочем, истеблишмент Самарской области это ни капли не смущает. Рядовые жители тоже знают о «дружбе» тольяттинского предпринимателя с одиозными персонажами — прототипами героев фильма «Бригада». (...) К слову, в свободной

энциклопедии «Википедия» до последнего времени было много статей о связях богача-единоросса с преступниками».

Негативная семантика этого фрагмента актуализируется в следующих словах и выражениях:

1. «...близок к ОПГ Константина Шейкина».

Близок – *близкий* – «5. б) Связанный с людьми определённого круга, с какой-л. средой, сферой деятельности» [Ефремова 2000]; *ОПГ* – [опэг'э], нескл., жен. (сокр.: организованная преступная группировка) [Лопатин: 1999]; *организованный* – «2. объединенный в организацию, сплочённый» [Лопатин: 1999]; *преступный* – «2. Совершающий преступления. Пример: Преступная шайка. Преступная личность [Ожегов 2004: 585].

Негативная семантика данного высказывания выражена в виде открытой вербальной информации, при помощи лексических значений слов. Данная информация представлена в форме утверждения в предикативной части высказывания «был близок» или, другими словами, состоял в ОПГ Константина Шейкина. Под влиянием контекста краткое прилагательное «близок», которое само по себе не выражает негативно оценочный смысл, приобретает его.

Кроме того, автор апеллирует к социальным фоновым знаниям читателя о деятельности Шейкинской ОПГ. Поскольку текст написан для тольяттинцев, автор рассчитывает на то, что читатель обладает необходимыми фоновыми знаниями. Негативное отношение к деятельности ОПГ Константина Шейкина переходит на В. Дuceва, за счёт чего в целом происходит усиление общей негативной характеристики В. Дuceва.

2. «... «дружба» с одиозными персонажами – прототипами героев фильма «Бригада»».

Дружба – «1) а) Отношения между людьми, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т.п.» [Ефремова 2000]; *одиозный* – вызывающий крайнее отрицательное отношение к себе, крайне неприятный. Пример: Одиозная личность [Ожегов 2004: 444];

прототип – реальное лицо как источник для создания художественного образа, героя [Ожегов 2004: 625].

Данные лексемы выражают негативную оценку с помощью своего лексического значения (*одиозные персонажи*), и под влиянием контекста (*дружба, прототип*). Для анализа смыслового содержания данного предложения необходимо также обратиться к пресуппозитивной информации, формируемой за счет отсылки к сериалу «Бригада».

«*Бригада*» – русский многосерийный фильм 2002 года, получивший большую популярность и огромное количество отзывов (в том числе резко критических). Фильм состоит из 15 серий, охватывающих события с 1989 по 2000 годы. В центре сюжета стоит история четырёх друзей, объединившихся в преступную группировку.

Таким образом, автор статьи говорит о том, что В. Дuceв в прошлом был связан с преступной группировкой и, возможно, сам был одним из её участников. Взятое в кавычки слово «*дружба*» приобретает в тексте ироническое значение «у В. Дuceва с преступниками духовная близость и общие интересы». Данная информация далее эксплицитно выражена в предложении «*К слову, в свободной энциклопедии «Википедия» до последнего времени было много статей о связях богача-единоросса с преступниками*». Употребление сокращения *единоросс* (производное от названия Единая Россия, со значением «член партии») выражает авторскую оценку – пренебрежение к деятельности партии. Негативная оценка формируется в данном слове за счет сочетания в одном сложном слове с лексемой «*богач*», то есть, богатство В. Дuceва связывается с его членством в партии «Единая Россия», что вероятно является следствием допустимым в партии взяточничеством и обычным для членов партии накоплением богатства путём нечестной политической деятельности.

Негативная информация во фрагменте представлена в форме утверждения, на что указывают соответствующие грамматические маркеры:

информация выражается в составе повествовательного предложения в форме реальной модальности.

В рассмотренном выше фрагменте статьи «Редакторская правка», опубликованной в журнале «Дорогое удовольствие» октябрь/ноябрь 2018 Самара/Тольятти, негативный смысл также выражен разными видами информации.

«– А все эти *новые издания*, которые открылись последние пару лет в Тольятти?

– *О! Это отдельная тема. И тема дурно пахнущая. К примеру, есть рекламная брошюра «Наш Тольятти», которая именуется журналом. Даже не имеет свидетельства средства массовой информации. НЕ является СМИ. Не является периодикой. Завтра эти люди соберут деньги и сделают ручкой своим доверчивым клиентам – будет даже некого винить. Это чес. Третий состав «Ласкового мая». Сегодня они в Тольятти, завтра в Воркуте. Никто не знает, откуда взялись, никто не ведает, где окажутся завтра...»*

Эксплицитно негативная информация в отрывке выражена, например, в выражении «сделают ручкой» – сделать ручкой – «разг. употребляется с подлежащим со значением конкретного или совокупного лица. Оставить ни с чем» [Жуков 2009: 358]; в слове «чес» – «спец. Ирон. Концертный тур популярных артистов по различным сценическим площадкам, городам, провинциальным залам. От чесать – 2. Обычно в расчете на быстрое получение максимальной прибыли. В близких к театру кругах прижилось выражение «московский чес» – синоним халтуры и заоблачных цен на билеты...» [Химик 2017: 465].

Толкование семантики выражения «Третий состав «Ласкового мая»» требует опоры на фоновые знания. «Ласковый май» – советская и российская популярная музыкальная группа. Группа приобрела большую популярность в СССР в конце 1980-х годов среди людей всех возрастов. На волне популярности группы стали возникать группы-«близнецы», которые под

названием данной группы стали ездить в гастрольные туры и зарабатывать таким образом деньги. Такой вид мошенничества и стал именоваться как *третий состав «Ласкового мая»*, что означает «использование какой-то вывески, названия для быстрого, часто несправедливого, зарабатывания денег, основанного на мошеннических схемах». Такого рода воспроизводимые и тиражируемые в прессе выражения квалифицируются как новая фразеология (например, *Куцевский синдром* и т.п. выражения, обусловленные какими-то общеизвестными и повторяемыми в жизни ситуациями и событиями).

Таким образом, из анализа ключевых слов и выражений с негативно оценочной семантикой, можно определить содержание данной негативной информации: издание «Наш Тольятти» является одним из изданий-«однодневок», которые используют в своей деятельности любые средства для достижения своих корыстных интересов (в том числе, и противоправные, поскольку не гнушаются мошенническими схемами при работе с клиентами; этот смысл наводится выражением *сделать ручкой*, т.е. оставить ни с чем, без денег).

В статье «Вот стою на асфальте я, в лыжи обутой. То ли лыжи не едут, то ли я ...», опубликованной в газете «Тольяттинский химик» 05.11.2010 г. (№142), негативная информация содержится в самом заголовке, который должен рассматриваться в совокупности с лидом (сжатым изложением основного содержания данной статьи), основным текстом статьи, представляющим собой дальнейшее развитие, конкретизацию информации, а также с другими, неосновными элементами, сопровождающими данный, креолизованный по своей сущности текст, – вместе с фотографиями и надписями к ним, функции которых – дополнение и усиление смысла, заложенного в основном тексте.

Данная фраза представляет собой усеченную синтаксическую конструкцию, реализующую риторический прием умолчания (пунктуационно усечение фразы передается с помощью знака многоточия). Усечение фразы в данном случае обусловлено несколькими обстоятельствами и реализует

различные цели: прежде всего, привлечь внимание читателя броским заголовком; достичь запланированного комического эффекта через отсылку к тексту малого жанра русского фольклора – озорной частушке, обладающей вульгарной, грубой стилистической коннотацией; перифрастическая функция – воздержание от использования в публицистическом тексте неподобающих слов и создание на основе возникающей двусмысленности иронического (саркастического) подтекста к основному тексту статьи.

Отмеченные функции позволяют выявить основную коммуникативную цель, которую ставил автор статьи, используя риторический прием умолчания в заголовочной строке в совокупности с внетекстовыми элементами (фотографиями и надписями к ним) в анализируемом тексте – информировать читателей газеты об отрицательной оценке профессиональных качеств специалистов юридического отдела Вороновой и Гусяковой, вызвать сомнение в их профессиональной пригодности через осмеяние. Кроме этого, заголовочная строка формирует основную стилистическую тональность текста – сниженную, проявляющуюся в использовании различных средств снижения стиля.

Рассмотрим фрагмент статьи «Слабая половина выборов», опубликованной в статье выпуска № 4 (30) газеты «Хронограф» в 2004:

«Светлана Пеунова тоже директор центра, но не детского, а народной медицины «Путь к Солнцу». В своё время она закончила музыкальное училище, но наследию Шумана и Листа предпочла Гиппократ: это было время, когда с уст не сходили имена Анатолия Кашипровского и Алана Чумака, а об их заработках ходили легенды. Пианистка Пеунова тоже обнаружила в себе способности народной целительницы и довольно быстро поставила медицинский бизнес на широкую ногу».

В данном отрывке негативные сведения о С. Пеуновой выражены как в виде открытой вербальной информации, так и при помощи апелляции к фоновым знаниям читателя. В предыдущем параграфе нами уже было рассмотрено, как нейтральное слово *пианистка* под влиянием контекста

начинает выражать негативную оценку автора, теперь остановимся подробнее на пресуппозитивной информации в данном фрагменте.

В отрывке упоминаются А. Кашпировский и А. Чумак, чьи сеансы лечения болезней нестандартными методами транслировали в конце 80-х годов XX века на российском телевидении. Анатолий Кашпировский прославился тем, что лечил болезни при помощи гипноза, а Алан Чумак проводил обряды энергетической зарядки воды через экран телевизора. Оба целителя-экстрасенса были чрезвычайно популярны, собирали стадионы зрителей по всей стране и много на этом зарабатывали. При этом каждый из целителей считал другого шарлатаном. Несмотря на огромную известность в годы перестройки, в современном обществе к деятельности А. Кашпировского и А. Чумака многие относятся скептически, появилось множество разоблачающих исследований.

Нужно обратить внимание, в каком фрагменте статьи «Слабая половина выборов» упоминается о деятельности А. Кашпировского и А. Чумака. Происходит это в предложении *«в своё время она [Светлана Пеунова] закончила музыкальное училище, но наследию Шумана и Листа предпочла Гиппократ: это было время, когда с уст не сходили имена Анатолия Кашпировского и Алана Чумака, а об их заработках ходили легенды»*. Это сложное предложение содержит три грамматические основы: *она закончила и предпочла, было время, имена Анатолия Кашпировского и Алана Чумака не сходили с уст*. Первые и вторая части связаны без помощи союзов, между ними стоит знак двоеточие.

Двоеточие в сложном предложении ставится в том случае, если следующая часть либо содержит разъяснение предыдущей (*я не ошибся: старик не отказался от предлагаемого стакана*), либо содержит основание, указание на причину того, о чём говорится в предыдущем предложении (*не нагнать тебе бешеной тройки: кони сыты, и крепки, и бойки*) [Правила русской орфографии и пунктуации: 1956].

На наш взгляд, в рассматриваемом предложении двоеточие ставится потому, что вторая часть содержит указание на причину того, о чём говорится в первой части, а именно того, почему С. Пеунова *«наследию Шумана и Листа предпочла Гиппократу»*, другими словами, вместо музыки заинтересовалась медициной. Автор намекает на то, что женщину заинтересовала возможность прославиться и обогатиться в сфере нетрадиционной медицины и на то, что её вдохновил пример А. Кашпировского и А. Чумака, о чьих *«заработках ходили легенды»*. Выше мы уже сказали, что деятельность данных личностей в современном обществе воспринимается несерьёзно, даже отрицательно. Автор статьи ставит С. Пеунову в один ряд с известными телемагами, изначально выражая тем самым своё негативное отношение к её медицинской деятельности.

Рассмотрение проблемы определения семантики слов и выражений в спорных публицистических текстах с учётом различных видов информации позволило сделать нам следующие выводы:

1) В спорных текстах содержатся разные виды информации: открытая вербальная информация часто сочетается с информацией пресуппозитивной (затекстовой, фоновыми знаниями).

2) Авторы публицистических текстов часто обращаются к фоновым знаниям читателя, при этом они учитывают возрастные, социальные и другие особенности целевой аудитории. Пресуппозитивная информация должна быть легко считываемой и находить отклик в сознании читателя, быть актуальной для данной группы людей.

2.4 Определение семантики слов и выражений с учётом поликодовой природы текста

В лингвистической теории выделяют и противопоставляют монокодовый и поликодовый тексты. Монокодовым называют такой текст, в котором информация выражена при помощи только одной семиотической

системы, как правило, это знаковая система языка. Поликодовый текст сочетает в себе знаки разных семиотических систем, например, вербальный текст и изображение [Сонин 2005].

Возникновение новых коммуникативно-информационных технологий в последние десятилетия привело к тому, что в современной коммуникации сочетание вербального текста и изображения встречается всё чаще в публицистических, агитационных и рекламных текстах. Данные семиотические системы дополняют друг друга, порождают «новую семиотическую реальность» [Сурикова 2017]. Вербальный и невербальный компоненты образуют единое визуальное, структурное и смысловое целое, оказывают «комплексное воздействие на адресата» [Фомин 2010: 46].

Для обозначения поликодового текста также используется термин креолизованный текст, который ввели психолингвисты Ю.А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов. В своей работе «Креолизованные тексты и их коммуникативная функция» учёные пишут о том, что креолизованными можно назвать такие тексты, которые состоят из двух частей разного происхождения: вербального (в устной или письменной форме) и невербального (принадлежащего другим знаковым системам) [Сорокин, Тарасов 1990]. В этой связи поликодовая природа текста осложняет процесс интерпретации его смысла.

Рассмотрим листовку партии Свободная Россия (приложение 1), которая содержит как вербальный текст, так и изображения, а следовательно является поликодовым, или креолизованным, текстом. Вверху листовки располагается вербальный текст:

«Яблоко» против фашистов? – Не верим!

НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЯ ЛИМОНОВА

ФАШИСТЫ НА РУССКОЙ ЗЕМЛЕ!

ХВАТИТ ВРАТЬ!

Яблочно-лимоновый коктейль коричневого цвета!

Данный текст представлен в форме лозунгов. Негативно оценочная семантика аккумулируется в лексемах *не верим, фашисты, хватит врать*.

Верить – «2. Принимать за истину что-н.» [Ожегов 2004: 74]. Отрицательная частица *НЕ* формирует противоположный смысл «не принимать за истину то, что партия «Яблоко» выступает против фашистов». Данная информация представлена в вопросно-ответной форме, напечатана чёрным шрифтом.

Далее автор развивает эту мысль, утверждая, что партия «Яблоко» сотрудничает с национал-большевистской партией Лимонова. В подтверждение этому автор приводит снимки их совместных митингов, сопровождая их подписями «НЕ ДАЙ СЕБЯ ОБМАНУТЬ!», «ДЕЛАЙ ВЫВОДЫ САМ!». Кроме того, в качестве аргумента автор приводит высказывания Сергея Митрохина, председателя Московского отделения партии «Яблоко», и Андрея Пионтковского, члена политбюро партии «Яблоко», в которых представители партии говорят о том, что готовы сотрудничать с национал-большевистской партией, если они откажутся от своей символики, и что отказываться от совместных митингов не собираются. Национал-большевистскую партию автор листовки априори относит к фашизму, не утруждая себя дополнительной аргументацией (данный смысл вербализован во фразе «ФАШИСТЫ НА РУССКОЙ ЗЕМЛЕ!»).

В словаре С.И. Ожегова даётся следующее определение слова *фашизм*: «Идеология воинствующего расизма, антисемитизма и шовинизма, опирающиеся на неё политические течения, а также открытая террористическая диктатура одной господствующей партии, созданный ею репрессивный режим, направленный на подавление прогрессивных общественных движений, на уничтожение демократии и развязывание войны» [Ожегов 2004: 849]. Данная лексема содержит негативно оценочный смысл и в случае применения в качестве оценочной номинации относится к инвективной лексике, в которой помимо констатации негативной с точки зрения общества деятельности содержится ещё и экспрессивная окраска публицистического характера.

Предложение «*Хватит врать!*» представляет собой императивное высказывание, обращённое к партии «Яблоко», которое подводит итог всей вышеуказанной негативной информации – представители партии «Яблоко» не просто обманывают, что их партия выступает против фашизма, а даже наоборот поддерживают данную идеологию, которая в современном обществе не принимается и осуждается. Эта поддержка чуждой (как оказывается только на словах) идеологии выражается в сотрудничестве с национал-большевистской партией, несмотря на их символику.

Символика партии имеет свою семиотическую систему и, помещённая в структуру креолизованного текста, способствует формированию дополнительной негативной оценки как самой национал-большевистской партии, так и партии «Яблоко». Это красный флаг, который в центре имеет белый круг, внутри него изображены чёрные серп и молот. Данный флаг является почти полной копией флага со свастикой (только вместо свастики изображены серп и молот, но изображены они в чёрном цвете как свастика, а не в жёлтом, как на флаге СССР), который использовался во времена фашистской Германии. В тех же цветах (белый, чёрный, красный) был выполнен и национальный флаг Германии в 1933-1935 гг. Таким образом, у читателя, который может даже не знать ничего о политике национал-большевистской партии, при взгляде на изображения с данным флагом появляются негативные ассоциации с фашистской Германией, а следовательно, формируется негативное отношение к деятельности данной партии и к партии «Яблоко», поскольку из вербализованного текста мы понимаем, что обе партии придерживаются близких взглядов, устраивают совместные митинги.

Нужно обратить внимание на то, каким цветом напечатана каждая фраза. Автор выбирает красно-чёрную цветовую гамму, поскольку именно эти цвета присутствуют на флаге национал-большевистской партии. Текст, выделенный чёрным цветом, относится к партии «Яблоко» (*«Яблоко» против фашистов? – Не верим! ХВАТИТ ВРАТЬ!*), а текст, выделенный красным

цветом – к национал-большевистской партии (*НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЯ ЛИМОНОВА; ФАШИСТЫ НА РУССКОЙ ЗЕМЛЕ!*). Последняя фраза «*Яблочно-лимоновый коктейль коричневого цвета!*» относится к обеим партиям. Таким образом, мы можем говорить о специальной функции цвета – указание на адресованность текста тому или иному объекту.

Оценочное высказывание «*Яблочно-лимоновый коктейль коричневого цвета!*» содержит отсылку к названию партии («Яблоко») и к фамилии основателя национал-большевистской партии (Лимонов), представляет собой метафорическое обозначение обеих партий. Нейтральное слово *коктейль* (*коктейль* – «напиток – смесь вина, сока с пряностями, сахаром; вообще смесь напитков с каким-н. добавками» [Ожегов 2004: 282]) в данном контексте приобретает значение «сотрудничество партий».

Коричневый цвет вызывает в сознании человека разные ассоциации. В рамках нашего исследования следует говорить именно об ассоциативном восприятии цвета человеком, а не об описанном в теории семантики цвета символических значениях, поскольку речь идёт не о художественном тексте, который адресат читает вдумчиво, а о тексте агитационном, направленном на мгновенное воздействие на адресата путём доступных для понимания лозунгов и ассоциаций. Кроме того, следует сказать об ассоциативных связях коричневого цвета с явлением фашизма в целом. Данные ассоциативные связи закреплены в языке, например, в виде устойчивого выражения *коричневая чума*, которое используется для обозначения идеологии фашизма. Название произошло от цвета формы членов национал-социалистической рабочей партии Германии, штурмовиков которой называют также «коричневорубашечниками». В сознании людей сформированы прочные ассоциативные связи коричневого цвета с нацизмом. Кроме того, по семантическому дифференциалу коричневый цвет оценивается как один из наименее приятных, очень пассивный и слабый, поэтому данный цвет

обычно не вызывает приятных ассоциаций (как, например, белый или голубой цвета).

Формированию негативного смысла в лексеме *коричневый* способствует изображение гнилого червивого яблока (тоже коричневого цвета), о чём свидетельствует его сморщенный вид, наличие отверстий и изображённый рядом с яблоком червяк. Изображение дополняет и усиливает негативную оценку, является иллюстрацией к вербальному тексту листовки. Мы понимаем, что речь идёт о процессе гниения, разложения яблока, который и придает ему коричневый цвет. Данное изображение является визуализацией авторского отношения к партии «Яблоко» (поскольку изображён именно этот фрукт, а не лимон). Червивость «Яблока» – это последствия воздействия на него национал-большевистской партии, о чём свидетельствует флаг этой партии, который воткнут в одно из отверстий. Червивость здесь даёт смысл испорченности под влиянием внешних факторов. Переводя смысл из одной семиотической системы (изображения) в другую семиотическую систему (вербальный текст), мы делаем вывод, что, по мнению автора листовки, политика партии «Яблоко» подвержена процессу разложения, имеет негативный вектор развития и что существенную роль в этом процессе занимает их сотрудничество с партией Лимонова.

Две третьих части листовки выполнены в чёрно-красных тонах, текст написан в этих цветах, фотографии содержат изображения флагов национал-большевистской партии, которые выполнены в красно-чёрно-белом цвете. Цветовая гамма этих частей вызывает у адресата неприятные ассоциации с фашистским флагом, фашистской идеологией. Внизу листовки изображён логотип партии «Свободная Россия», который в свою очередь содержит цвета российского флага – белый, синий, красный. Визуально данная часть выделяется как раз за счёт другого цветового выделения. Подписи к логотипу партии выполнены в синем цвете, который вызывает приятные ассоциации с чистотой, небом, водой и т.д.

Лозунг партии «Свободная Россия» *БЕЗ ОЛИГАРХОВ. БЕЗ ФАШИСТОВ. БЕЗ ВОЖДЕЙ* представляет собой вербально выраженную информацию о том, что эта партия в отличие от «Яблока» не поддерживает идеологию фашизма. Кроме того, часть *БЕЗ ОЛИГАРХОВ* можно рассматривать как заявление о том, что партия «Свободная Россия» не поддерживает политику «Единой России», ведь о богатстве членов данной партии информация не раз обсуждалась в различных информационных источниках и хорошо известна избирателям.

Рассмотрим обложку газеты, которая также содержит креолизованный текст (приложение 2). Заголовок *«ЖИТЕЛИ ТОЛЬЯТТИ! ГОРОД ОХВАТИЛА ЭПИДЕМИЯ ОПАСНОГО ВИРУСА»*, размещённый вверху страницы, представляет собой обращение к тольяттинцам и сообщение о появлении вируса. Если рассматривать заголовок, взятый вне контекста и без изображений, данная информация воспринимается серьёзно и не несёт в себе никакого негативно оценочного смысла, носит информационный характер. Однако, первое, на что обращает внимание читатель газеты после заголовка – мультипликационное изображение огромной свиньи в костюме Бэтмена, летящей с грозным видом над городом Тольятти. Данное изображение ставит под сомнение серьёзность заявления об эпидемии вируса (по ассоциации с изображением – вируса свиного гриппа) и требует анализа с опорой на остальной вербальный текст, располагающийся на странице. Рассмотрим фрагмент:

«ВНИМАНИЕ! «СВИНЯЧИЙ ГРИПП» В ТОЛЬЯТТИ!

Тольятти охватила эпидемия опасного вируса, известного как «свиной грипп». Болезнь передаётся путём попустительства, страха и взяток. Быстро разрушает физическое, моральное и материальное состояние рядовых тольяттинцев, тяжело сказывается на потомстве. Симптомы инфекции не всегда очевидны – вирус может прикинуться плесенью, мелочью, ответственным работником. В благоприятных условиях

катастрофически быстро размножается и мутирует в новые разновидности».

Текст написан в форме типичного описания вируса: сообщается о путях передачи инфекции, симптомах, развитии. Однако уже из названия вируса – «свиной грипп» становится понятно, что речь идёт не о реально существующем вирусе, потому что такой разновидности гриппа не существует. Зато читателю хорошо известен свиной грипп. Происходит замена прилагательного *свиной* на *свинойчий*. Прилагательные являются экспрессивно-стилистическими синонимами, такой вывод можно сделать, сопоставив словарные статьи данных лексем.

Свиной – «1) Соотносящийся по знач. с сущ.: свинья, связанный с ним. 2) Свойственный свинье, характерный для нее. 3) Принадлежащий свинье. 4) а) Сделанный из шкуры свиньи. б) Приготовленный из мяса свиньи» [Ефремова 2000].

Свинойчий – «разг.-сниж. 1) Соотносящийся по знач. с сущ.: свинья, связанный с ним. 2) Свойственный свинье, характерный для нее. 3) Принадлежащий свинье» [Ефремова 2000].

Прилагательное *свинойчий* выражает негативную оценку автора описываемых событий, это подтверждает последующий контекст:

1. «*болезнь передаётся путём попустительства страха и взяток*» (слово *взятка* изначально имеет негативно оценочное значение «1. деньги или материальные ценности, даваемые должностному лицу как подкуп, как оплата караемых законом действий» [Ожегов 2008: 81]);

2. «*вирус может прикинуться плесенью, мелочью, ответственным работником*». Словосочетание «ответственный работник» в данном контексте имеет саркастическое значение, синонимичное значениям слов *плесень, мелочь*, которые, употреблённые в адрес человека, имеют пренебрежительную, отрицательную коннотацию «ничтожный человек».

Вербальный текст иллюстрируется и дополняется изображением огромной свиньи в костюме Бэтмена, летящей с грозным видом над городом

Тольятти, о чём свидетельствует изображение здания генеральной дирекции «АвтоВАЗа».

Одно из значений лексемы *свинья* – «4. перен. О том, кто поступает низко, подло, а также (грубо) о грязном человеке. неряхе (разг.)» [Ожегов 2008: 703]. Свинья одета в костюм Бэтмена. Расшифровка данной информации требует обращения к фоновым знаниям читателя. Бэтмен – известный персонаж комиксов. В оригинальной версии биографии Бэтмен – тайное альтер-эго миллиардера Брюса Уэйна, успешного бизнесмена, филантропа и любимца женщин. В детстве, став свидетелем убийства своих родителей, Брюс поклялся посвятить свою жизнь искоренению преступности и борьбе за справедливость. Подготовив себя физически и морально, он надевает стилизованный костюм летучей мыши и выходит на улицы города для противостояния преступникам. Облачение свиньи в костюм супергероя выражает ироничное отношение автора к событиям, описанным в последующей статье, и помогает заинтересовать читателя, вызвать у него желание узнать подробности, прочитать статью в газете, поскольку изображение и рассматриваемый текст размещены на главной странице. Данный образ выражает мысль о двуличности людей, о которых пойдёт речь в статье, тех, кто был поражён «свинячим гриппом». За внешним стремлением к благим поступкам, героизму скрывается ничтожность личности и мелочность её поступков, жажда собственной наживы.

Таким образом, мы видим, что информация в текстах с поликодовой (креолизованной) природой может быть выражена средствами разных семиотических систем (например, с использованием цвета, изображения, шрифтовых выделений и др.). В этом случае использование комплекса вербальных и невербальных компонентов усиливает воздействие на адресата.

Выводы ко второй главе

Таким образом, в ходе анализа смысловой составляющей публицистических текстов с различными видами и формами негативно оценочной информации были получены следующие результаты:

1) Лингвисту-эксперту в первую очередь необходимо выделить в спорном тексте тот лексический материал, который позволит сделать вывод о негативной оценке физического или юридического лица, его деятельности, выраженной автором текста через конкретные слова и выражения, имеющие в своей семантической структуре негативно оценочную сему, и тем самым выявить языковые факты нанесения ущерба чести, достоинства и деловой репутации лица. В публицистическом тексте это, как правило, литературные слова и выражения, имеющие в своей семантической структуре отрицательный компонент значения. Нередко используется разговорно-сниженная лексика, которая формирует негативную тональность оценки всего текста.

2) Контекст конкретизирует значение многозначного слова, в этом случае речь идёт о разрешающем контексте. В рамках нашего исследования это особенно важно, поскольку от того, правильно ли истолкует лингвист-эксперт значение слова в спорном тексте или нет, зависит исход дела о защите чести, достоинства и деловой репутации.

3) Контекст способен порождать новые контекстуальные значения в слове, употребление контекстуальных синонимов выступает средством выражения негативной оценки.

4) Анализ контекста помогает выявить иронию в письменном тексте. Ирония часто используется авторами публицистических текстов для выражения своей оценки, а, следовательно, служит средством формирования негативной информации в тексте.

5) Метафоризация является продуктивным средством формирования негативной информации, поскольку метафоры отражают ассоциативную природу человеческого мышления.

6) Опираясь на лексическое и контекстуальное значение слов, лингвист-эксперт может найти и проанализировать содержащуюся в представленном на экспертизу тексте негативную информацию, выявить речевую агрессию и в целом охарактеризовать семантику текста.

7) В спорных текстах содержатся разные виды информации: открытая вербальная информация часто сочетается с информацией пресуппозитивной (затекстовой, фоновыми знаниями).

8) Авторы публицистических текстов часто обращаются к фоновым знаниям читателя, при этом они учитывают возрастные, социальные и другие особенности целевой аудитории. Пресуппозитивная информация должна быть легко считываемой и находить отклик в сознании читателя, быть актуальной для данной группы людей, чтобы состоялся запланированный автором воздействующий эффект текста.

9) Исследование пресуппозитивной информации позволяет лингвисту обнаружить в тексте скрытые негативные смыслы.

10) Использование в креолизованном тексте средств разных семиотических систем позволяет комплексно воздействовать на адресата. Знаки языковой системы в современных публицистических и агитационных текстах сочетаются с изображениями, которые являются дополнением, визуализацией вербального текста, также используется специальное цветовое выделение текста, которое может вызывать у читателя приятные или наоборот неприятные ощущения, ассоциации и тем самым сформировать нужные автору ассоциации и символические приращения в тексте.

Заключение

В ходе проведённого исследования была изучена научная литература, посвящённая смысловой стороне текста, а также проанализированы публицистические и агитационные тексты.

Поверхностный смысл высказывания складывается из значений лексем, входящих в его состав, в каждом конкретном высказывании слово реализуется в одном из своих возможных значений. Глубинный смысл выявляется при помощи контекста, анализа пресуппозитивной информации и элементов других семиотических систем, если они присутствуют в тексте. Задача лингвиста найти и проанализировать как поверхностный, так и глубинный смысл текста.

При анализе речевых примеров из публицистических текстов с негативно оценочной информацией нами использовался следующий алгоритм работы со спорными текстами:

1) В первую очередь мы выделяли в тексте слова с негативно оценочной семантикой, приводили словарное значение данного слова, в итоге нам удавалось описать, как негативный смысл высказывания формируется при помощи лексического значения входящих в его состав слов.

2) Далее мы обращались к разрешающему контексту и устанавливали, в каком из возможных значений употреблено слово, имеет ли оно негативную коннотацию, на основании этого делали вывод, содержит ли высказывание негативную информацию и если да, то какую именно.

3) Далее нами было рассмотрено, как лексические единицы наращивают новые значения под влиянием погашающего контекста. На данном этапе мы обратились к понятиям ирония, метафора, диалогия, проследили на примерах, как данные приёмы используются авторами текстов для выражения негативной оценки. Выяснилось, что использование иронии, метафоризация и преднамеренного создания двусмысленности часто

используется в публицистических текстах, и связано это с тем, что автор старается сделать текст более художественным, интересным для читателя.

4) После анализа открытой вербальной информации мы перешли к анализу информации затекстовой (пресуппозитивной, фоновым знаниям). Данная информация необязательно содержится в тексте, поскольку является факультативной, однако если лингвист обнаружил данный вид информации, его необходимо тщательно проанализировать. При апелляции к фоновым знаниям читателя автор часто учитывает возрастные, социальные, психологические и другие особенности целевой аудитории. Подобные отсылки к чему-то знакомому определённой группе людей позволяют автору убедить читателя, что они находятся в одном социокультурном контексте и передать большое количество информации с использованием меньшего количества слов (например, автор может упомянуть какой-нибудь фильм, исторический факт, известную личность, и за счёт этой отсылки сформировать у читателя положительное или отрицательное отношение к нужной ему теме).

5) Завершающим этапом нашего исследования стал анализ текста с учётом его поликодовости. Мы рассмотрели, как средства других семиотических систем помогают сформировать негативную информацию или дополнить вербальный текст новыми смыслами. И изображения, помещённые в текст, и даже цветное выделение текста служат средством выражения негативной оценки.

Таким образом, в данной работе было доказано, что только комплексный анализ с учётом лексических и контекстуальных значений слов, разных видов информации в тексте и средств разных семиотических систем, содержащихся в структуре текста как единое смысловое целое, позволяет лингвисту найти и описать как поверхностные, так и глубинные смыслы. В рамках лингвистической экспертизы это особенно важно, поскольку от результатов данного исследования зависит исход дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также дел об оскорблении.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. М.: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Ан С.А. Семантика цвета в художественном творчестве / С.А. Ан, М. Г. Костерина // МНКО. 2014. №4 (47).
3. Атавова Р.А. Инвективная лексика как средство выражения языковой агрессии (на материале дагестанских периодических изданий) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №5-3 (59).
4. Ахманова О.С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О.С. Ахманова, И.В. Гюббенет. – ВЯ, 1977, №3, с. 49.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стер. – М : УРСС : Едиториал УРСС, 1966. – 571 с.
6. Бабайцев А.В. Семантика эмблем современных российских политических партий // Вестник ДГТУ. 2011. №1.
7. Баранник Д. Х. Текст как высшая форма реализации коммуникативной функции речи и его основные единицы // Семантические и коммуникативные категории текста (Типология и функционирование): Тезисы докл. Всесоюзной научной конференции. Ереван: Изд-во Ереванского гос. унив., 1990. 147 с.
8. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
9. Барковская Н. В. Типы повествования и их анализ // Филологический класс. – 2004. – №11. – С.16–25.
10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

11. Белоусов В.Н. Семантика // Караулов, Ю. Н. Русский язык. Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 452-455.
12. Белоусов В.Н. Семантическая структура слова // Караулов, Ю. Н. Русский язык. Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 455-457.
13. Бельчиков Ю.А., Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сборник материалов / Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский, И.В. Жарков. – М.: ИПК «Информкнига», 2010 г. – 208 с.
14. Бондарко А. В. Функционально-семантическое поле // Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 566-567.
15. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. Москва : Логос, 2003. 280 с.
16. Верещагин Е.М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Изд-во МГУ, 1973. 235 с.
17. Вестфальская А.В. Оценка и коннотация: современные подходы. // Язык и текст. Московский государственный психолого-педагогический университет, 2015. Том. 2, № 3. С. 3–11.
18. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М : Учпедгиз, 1959. 492 с.
19. Воронина Л.А. Роль фоновых знаний в речевом общении (носителей русского и корейского языков) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургский государственный университет, 2009. №4. С. 48-56.
20. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2007. №21.

21. Гак В.Г. Лексическое значение слова // Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 261-263.
22. Гак В.Г. Высказывание // Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 90.
23. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва : Книжный дом «ЛИБРКОМ», 2009. – 144 с. (Лингвистическое наследие XX века).
24. Галяшина Е., Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз / Е. Галяшина, М. Горбаневский, И. Стернин //Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. ФЗГ, 1(6)/2005), с. 24-40.
25. Даниленко В.П. Методы лингвистического анализа: курс лекций / В. П. Даниленко. – 5-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2016. – 280 с.
26. Дебердеева Е.Е. Метафора в контексте лингвистических исследований // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2008. №1с.
27. Дмитриева Н.М., Завадская А.В. Языковые средства выражения негативного отношения к личности в тексте и их анализ при проведении лингвистической экспертизы // МНКО. 2018. №5 (72).
28. Дускаева Л. Р. Стилистика русского языка: учебник / Л. Р. Дускаева, М. Н. Кожина, В. А. Салимовский. – 7-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2018. – 464 с.
29. Дускаева Л.Р. Языково-стилистические изменения в современных СМИ // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под редакцией М.Н. Кожинной. М.: Флинта, Наука, 2003. – 696 с.
30. Жукова М. Е. Современный фразеологический словарь русского языка: ок. 1600 фразеологических единиц /А. В. Жуков, М. Е. Жукова. – Москва : АСТ: Астрель, 2009. – 448 с.

31. Иваненко Т. Г. Контекстная семантика как отражение реальных связей вещей и явлений (на материале французского языка) / Т. Г. Иваненко, В. В. Тищенко // Известия ЮФУ. Технические науки. 1999. №2.

32. Каминская Г.Г. Фоновые знания – категория историческая. Изменения в фоновых знаниях // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. Красноярск : Издательство Сибирский федеральный университет. т 4. №4. 2013. С. 240-343.

33. Касаткин Л. Л. Современный русский язык : Слов.-справ. : Пособие для учителя / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант; Под ред. П. А. Леканта. – Москва : Просвещение, 2004. – 304 с.

34. Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка : Ок. 16 000 слов. – М. : Астрель : АСТ, 2003 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). – 1021, [1] с.

35. Клименова Ю.И. Роль лингвистического и когнитивного контекста в декодировании метафоры // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. №101.

36. Кожина М.Н. Стилистика русского языка : учебник. М. : Флинта : Наука, 2008. – 464 с.

37. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с.

38. Колшанский Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский ; Отв. ред. Г. В. Степанов. – Изд. 3-е. – Москва : Издательство ЛКИ, 2007. – 152 с. (Лингвистическое наследие XX века).

39. Кутьева М.В. Слово «яблоко» и его смыслы в коммуникативном пространстве русского и испанского языков // Ценности и смыслы. 2016. №1 (41).

40. Ларионова М.В. Пресуппозиция как способ манипулятивного воздействия (на примере испанского газетно-публицистического дискурса) // Вестник МГИМО. 2013. №2 (29).

41. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – Москва : «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
42. Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 413 с.
43. Макаров В.И. Эффективность лингвистической экспертизы // Ученые записки НовГУ. 2017. №4 (12).
44. Максименко О.И. Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. №2.
45. Месропян Л.М. Реализация речевой манипулятивной агрессии в поликодовом тексте // Научная мысль Кавказа. 2013. №2 (74).
46. Минемуллина А.Р. Ирония как средство имплицитного выражения оценки в языке средств массовой информации // Вестник ВятГУ. 2013. №2-2.
47. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова – 4-е изд., дополненное. – Москва : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
48. Пекарская И. В. К проблеме типологии оскорбительной лексики // Язык и культура этноса: сборник ст. конференции. – Красноярск: Изд-во Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2015. – С. 154-161.
49. Плещенко Т.П. Стилистика и культуры речи: Учеб. Пособие /Т.П. Плещенко, Н.В. Федотова, Р.Г. Чечет; Под ред. П.П. Шубы. Мн.: «ТетраСистемс», 2001. 544 с.
50. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. Сост. А.А. Леонтьев, В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, Ю.А. Сорокин, отв.ред.А.Р. Ратинов. – М.: Фонд защиты гласности, 1997.

51. Посиделова В.В. Лингвистический и правовой аспекты инвективной лексики русского языка // *Философия права*. 2016. №2 (75).
52. Рогозина И.В. Модели формирования визуально-вербальных тропов поликодового медиатекста // *Филология и человек*. 2017. №3.
53. Рудакова А.В. О понятии коммуникативного значения слова / А.В. Рудакова, И.А. Стернин // *Коммуникативные исследования*. 2017. №1 (11).
54. Русский орфографический словарь : около 160 000 слов / [ред. коллегия В. В. Лопатин (отв. ред.), Б. З. Букчина, Н. А. Еськова, С. М. Кузьмина; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – Москва : Азбуковник, 1999. – XVI, [4], 1260, [2] с.
55. Сергеева Ю.М. Поликодовый Текст: особенности построения восприятия / Ю.М. Сергеева, Е.А. Уварова // *Наука и школа*. 2014. №4.
56. Сидоренко А.В. Пресуппозиция и имплицитные смыслы высказывания // *Lingua mobilis*. 2009. №2 (16).
57. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус.яз.; Полиграфресурсы, 1999.
58. Смирнов А.С. Логика смысла: Теория и её приложение к анализу классической арабской философии и культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 504 с. (Язык. Семиотика. Культура).
59. Сонин А.Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // *Вопросы языкознания*. М., 2005. №6. С. 115–123.
60. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // *Оптимизация речевого воздействия*. М.: Наука, 1990. 240 с. С. 178–187
61. Степанов Ю.С. Семантика // Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 438.
62. Стернин И.А. Основные принципы семантического анализа в лингвокриминалистической экспертизе текста // *Вестник КемГУ*. 2017. №1 (69).

63. Сурикова Т.И. Письменная речь на телеэкране: семиотические и прагматические аспекты // Мир русского слова. № 1. М.: МИРС. 2017. С. 61-66.

64. Телия В.Н. Коннотация // Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 236.

65. Торсуева И.Г. Контекст // Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С.238-239.

66. Фомин А.И. Вербальный компонент в совмещенном пространстве изображения и слова (на примере афиш Тулуз-Лотрека). // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. М.: Изд-во Моск. городского пед. ун-та, 2010. Вып. 1. С. 45–58.

67. Фромановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – Москва : Русский язык, 2002. – 216 с.

68. Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: [в 2 томах] / В. В. Химик. – СПб.: Златоуст, 2017. – в 2 т. – 1060 с.

69. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. // Под ред. проф. М.В. Горбаневского – 3 –е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.

70. Щербинина А.А. О двупланности и противопоставлении смысла в иронии // Филологические науки. 1976. №2. С. 25.

71. Елистратов В.С. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.). Электронная версия – ГРАМОТА.РУ, 2002. URL: <http://gramota.ru/slovari/argo/> (дата обращения: 10.11.2019).

72. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный [в 2 томах] / Т. Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз, 2000. – в 2 т. – URL: <http://ru-dict.ru/slovar-efremovoy.html> (дата обращения: 24.02.2019).

73. Иштван Кечкеш Слово, контекст и коммуникативное значение // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2014. №1. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-kontekst-i-kommunikativnoe-znachenie>
(дата обращения: 28.05.2020).

74. Светлов, В. А. Введение в единую теорию анализа и разрешения конфликтов : учебное пособие / В. А. Светлов. – Электрон. текстовые данные. – Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2019. – 279 с. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/79616.html> (дата обращения: 01.05.2019).

75. Солдаткина, Я. В. Современная словесность: актуальные тенденции в русской литературе и журналистике: Монография. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2015. – URL: <http://znanium.com/catalog/product/754654> (дата обращения: 17.10.2018).

76. Стернин, И. А. Анализ скрытых смыслов в тексте: Учебное пособие / И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2011. – 66 с. – URL: <https://www.twirpx.com/file/2258205/> (дата обращения: 08.04.2019).

77. Dressler W. Towards a Semantic Deep Structure of Discourse Grammar // Papers from the Sixth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society, 1970.

78. Current Trends in Text-linguistics. Walter de Gruyter. Berlin, N.Y., 1978.

79. Harris J. Hermes or a Philosophical Inquiry Concerning Language and Universal Grammar, 3-d ed., London, 1771.

80. Janecel G. The look of Russian literature: Avant-Garde Visual Experiments, 1900 1930. Princeton university press. Prinseton. New Jersey, 1984.

81. Schmidt S.J. Texttheorie. Munchen, 1973.

Приложение А

Листовка партии «Свободная Россия»

«Яблоко» против фашистов? - Не верим!

**НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЯ ЛИМОНОВА
ФАШИСТЫ НА РОССИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ!**

ХВАТИТ ВРАТЬ!

Яблочно-лимоновый коктейль коричневого цвета!

Есть такая установка, что если НБП откажется от своего названия и символики, то мы с ними готовы взаимодействовать.

Сергей Митрохин,
председатель Московского «Яблока»
<http://electoral.info/party/apple/02-11-2005/19987-0>

Но мы и не собираемся отказываться от совместного[с НБП] участия наших сторонников в конституционных демонстрациях протеста.

Андрей Пионтковский,
член политбюро «Яблока»
<http://www.gran.ru/opinion/piontkovskiy/08/532.html>

<http://str-into.ru/askw/0100/yabloko>

Митинг НБП и «Яблока»
Москва, 29 января 2005 года
НЕ ДАЙ СЕБЯ ОБМАНУТЬ!

<http://str-into.ru/askw/0100/yabloko>

Митинг НБП и «Яблока»
Москва, 2 февраля 2005 года
ДЕЛАЙ ВЫВОДЫ САМ!

**ВСЕРОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
БЕЗ ОЛИГАРХОВ. БЕЗ ФАШИСТОВ. БЕЗ ВОЖДЕЙ.**

Инициативный Московский региональный отдел Всероссийской политической партии «Свободная Россия». Москва, ул. Маршала Ш. ст. 31/0101/770411234
Делегат: Московский региональный отдел Всероссийской политической партии «Свободная Россия». Тираж 1000 экз. Даты выпуска: 26.11.2005.
Получатель: Сервисный центр «Яблоко» Московского регионального отделения Всероссийской политической партии «Свободная Россия».

ЖИТЕЛИ ТОЛЬЯТТИ!

ГОРОД ОХВАТИЛА ЭПИДЕМИЯ ОПАСНОГО ВИРУСА

ВНИМАНИЕ! «СВИНЯЧИЙ ГРИПП» В ТОЛЬЯТТИ! стр. 2

Тольятти охватила эпидемия опасного вируса, известного как «свиный грипп». Болезнь передается путем попустительства, страха и взятка. Быстро разрушает физическое, моральное и материальное состояние рядовых тольяттинцев, тяжело сказывается на потомстве. Симптомы инфекции не всегда очевидны – вирус может прикинуться плесенью, мелочью, ответственным работником. В благоприятных условиях катастрофически быстро размножается и мутирует в новые разновидности.

СВИНЯ ПОД ДУБОМ

Иван Крылов

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выспалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит, –
Ей с Дубу ворон говорит, –
Коль корни обнажишь, оно засохнет, махнешь»